

ЗАКОНА

ВСЕ

Чингиз Абдуллаев

Профессионал
стреляет
не целясь.

ЗАКОН НЕГОДЯЕВ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Закон негодяев

«PEN-клуб»

1995

Абдуллаев Ч. А.

Закон негодяев / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1995 — (Дронго)

Депутат Государственной Думы Лазарев застрелен прямо в здании Думы. Пуля настигает и Мосешвили – могущественного уголовного авторитета. На улицах Москвы вот – вот вспыхнет война между кавказским и славянскими группировками. Дронго, криминалистик – аналитик, – один из тех, кто способен укротить взбесившееся криминальное чудовище. Безжалостно расправляясь с теми, кто пытается встать на его пути, Дронго приближается к тайная тайных мафии, и даже он содрогается от того, что узнает.

© Абдуллаев Ч. А., 1995

© PEN-клуб, 1995

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Чингиз Абдуллаев

Закон негодяев

В этой книге сделана попытка показать и рассказать о деятельности мощных национальных мафий, охвативших своим влиянием всю бывшую огромную страну и демонстрирующих ныне новые, транснациональные устремления. Хотел бы обратить внимание читателей на одно очень важное обстоятельство. Нельзя путать слова «национальная мафия» и народ, отбросами которого являются эти бандиты. Плохих народов не бывает, эта азбучная истина еще не усвоена очень многими. Бандит остается бандитом, независимо от своей национальности. При необходимости они умеют договариваться, они умеют действовать сообща. Помните об этом все читающие эту книгу, и оставайтесь людьми, уважая человека за его трудолюбие, ум, порядочность; народ – за его историю, культуру, традиции; а себя – за умение уважать других, не опускаясь до уровня примитивного национализма. В конце концов, это так сложно – быть Человеком.

Чингиз Абдуллаев

Чтобы разбудить совесть негодяя, нужно иногда дать ему пощечину.

Аристотель

Глава 1

В горах иногда кажется, что время может останавливаться. За прошедшие тысячи лет не произошло видимых изменений. На склонах холмов по-прежнему ходят стада баранов и коз, пытаясь найти среди этих громадных валунов сочную зеленую траву. По-прежнему так же неистово светит солнце, словно собирающееся спалить эти горы и его обитателей в дневные часы. И так же неприятно завывает ветер в ночи, словно предупреждая людей о возможном появлении волков. И все такие же черноусые пастухи в огромных бараньих тулупах в сопровождении громадных собак охраняют свои стада, зачастую обходясь лишь собственными руками и неизменным большим ножом, висящим по традиции на левом бедре. У некоторых пастухов встречаются старые винтовки, чудом сохранившиеся то ли с начала этого века, то ли с конца прошлого. И это, пожалуй, единственное достижение цивилизации, все-таки добравшееся до этих гор. Пастухи, или чабаны, как их называют в этих горах, по-прежнему обходятся своими запасами, той неприхотливой пищей, которую им посылает бог в этих горах. И они вполне счастливы и довольны своей размеренной жизнью, своим так по-мудрому устроенным бытом.

В этот день старый Курбан поднялся чуть позже обычного. Солнце, уже полностью появившееся из-за гор, освещало всю небольшую горную долину, где они нашли вчера долгожданный корм для своих баранов. В стаде, доверенном Курбану его односельчанами, насчитывалось более тысячи голов баранов и почти две сотни ягнят. Хвала Аллаху, им удалось обойти враждующие стороны внизу и увести свое стадо от начинавшегося обстрела. Курбан знал, как сильно могут повлиять на самочувствие его подопечных эти артобстрелы, так нервнирующие баранов. Когда три года назад они попали под обстрел и потеряли всего пять баранов, ему казалось, что худшее позади. Но лишь осенью он понял, как ошибался. Вместо ожидаемого приплода в триста ягнят они не получили даже половины. Курбан съел за свою долгую жизнь несколько тысяч баранов, примерно половину из них он зарезал собственными руками.

И никогда не думал, что у этих спокойных, доверчивых животных могут быть нервы. Где они располагались, он не знал – может, в сердце, а может, в голове. Хотя из внутренностей баранов они готовили отличное блюдо, называемое джиз-биз, а голову барана умудрялись отваривать вместе с языком и глазами, подавая как деликатес. И нигде не было никаких нервов. Так казалось ему до того артобстрела. После него он думал уже иначе, понимая, что эти проклятые нервы все-таки где-то существуют. И хотя верить в душу барана было кощунством и богохульством, он иногда ловил себя на мысли, что разговаривает со своими подопечными, как с маленькими детьми.

По городским понятиям он был очень старый человек, ему шел уже восьмой десяток. По понятиям гор это был зрелый возраст мужчины. Его сосед Пири только женился в семьдесят два, а через девять месяцев у его сорокалетней жены уже пищал на руках младенец, сын Пири. В горах все относительно.

Стариками здесь называли людей, перешагнувших столетний рубеж. А в семьдесят лет здесь еще можно было стать отцом и сохранить почти все зубы во рту. Может, помогала горная вода, так обжигающая зубы, когда он полоскал рот по утрам. Здесь никогда не слышали про зубные щетки и новые пасты, сохраняющие зубы от всевозможных болезней. Однако многие жители окрестных сел могли похвастаться крепкими зубами почти до самой смерти.

Курбану обычно помогал его внук, три года подряд выходявший с дедом в горы. Но в этот год внука пришлось отослать в дальнее горное селение. Из райцентра стали приезжать люди, требовавшие, чтобы внук Курбана явился в военкомат. А это очень не понравилось старику. Защищать родину было святым делом каждого мужчины в семье Курбана. Его брата убили в Белоруссии, сам он участвовал в войне против Японии и даже сумел побывать в Порт-Артуре. Но его внук уже был в армии, уже отслужил положенные два года еще тогда, когда была единая армия и большая страна. Теперь внука хотели забрать в местную армию уже небольшой страны. Если вспомнить, что сын местного военкома, которому шел двадцать пятый, до сих пор не был в армии, если вспомнить, что дети местного главы районной администрации давно уехали из республики и, по слухам, жили где-то в Турции, если вспомнить, что сын прокурора открыл магазин и разъезжал по райцентру на немного побитой, но все-таки иностранной машине, старый Курбан был по-своему прав. Он не хотел посылать внука вместо этих бездельников второй раз в армию. И на семейном совете было принято решение отправить парня в Казахстан к родственникам. Теперь Курбану помогал совсем молодой соседский сын Али, которому шел лишь пятнадцатый год. Но в горах время – понятие субъективное, и по горским законам он был уже мужчиной, способным помогать Курбану в его трудном деле.

Али уже кричал на отставших баранов, пытаясь собрать их в более упорядоченную массу. Курбан прошел к роднику, умылся, прополоскал рот, привычно поблагодарил Аллаха за хороший день и, надевая на ходу свою огромную бурку из овечьей шерсти, поспешил на помощь Али. Нужно было собрать все стадо в одно место под охрану трех огромных собак, так точно понимающих Курбана и словно составлявших с ним единое целое. Только затем можно было садиться завтракать.

Они уже заканчивали завтрак, по традиции почти не разговаривая друг с другом, когда зоркий глаз Али заметил на ближнем склоне соседней горы цепочку людей с рюкзаками.

– Кажется, чужие, – тревожно сказал он, всматриваясь в даль. Курбан не испугался. Пугливых чабанов в их селении просто не было. Но он встревожился. Внизу шла война, и это вполне могли оказаться солдаты другой стороны. И тогда на пощаду рассчитывать не приходилось.

– Уходи в сторону камней, – показал он Али, – если со мной что-нибудь случится, приведи стадо обратно в селение сам.

Парень кивнул головой. Все было обговорено заранее, и здесь не было места ни ложной патетике, ни героическим порывам. Стадо для их селения было важнее жизни самих чабанов.

Если это свои, Али вернется обратно, если чужие – значит, их жертвой падет старый Курбан. Чужаки, конечно, покуражатся, забьют несколько баранов, несколько пристрелят для собственного удовольствия. Но все стадо не тронут. Зачем им возиться с тысячей баранов, куда они их перегонят? Тогда Али, дождавшись темноты, должен постараться собрать уцелевшее стадо и идти вместе с ним обратно, в свое селение.

Кивнув на прощание старику, Али заторопился к большим камням, сложенным на краю долины. Он шел, немного пригибаясь, используя тень горы, чтобы его не было заметно со стороны направляющихся к ним незнакомцев.

Курбан аккуратно сложил свои вещи в небольшой узелок, связал его, положил сверху старое ружье. В горах люди быстро становились фаталистами, спокойно ожидая неизбежного. Незнакомцы подходили ближе. Он уже различал детали их одежды, большие рюкзаки, автоматы, висевшие за плечами. Чужаков было пять человек, и старое ружье Курбана и даже его три собаки ничего не могли сделать с пятью автоматами. Курбан знал это и поэтому спокойно сидел на одном из валунов, ожидая, когда незнакомцы подойдут поближе. Те уже успели заметить и стадо баранов, медленно отступающих в тень горы, и старого чабана, спокойно поджидающего их на камне.

Расстояние сокращалось, и вот наконец незнакомцы уже в ста шагах от чабана. Курбан тихонько перевел дыхание – кажется, на этот раз пронесло. Он слышал знакомую речь, видел лица подходивших. Но ему сразу не понравились двое шедших позади людей. Они были чужие, и он это сразу почувствовал. Может, поэтому он не стал звать обратно Али, терпеливо выжидая, чем окончится неожиданная встреча с незнакомцами.

Незнакомцы подошли уже совсем близко. Собаки встретили их настороженно, но пока спокойно. Животные следили за жестами и словами своего хозяина. Они знали, что в горах чужими бывают волки и очень редко люди. Но признавать последних чужаками или нет – зависело от хозяина. А он молчал. Огромный, почти черный Шайтан подошел к хозяину и лег у его ног, внимательно всматриваясь в подходивших людей, словно всем своим видом успокаивая чабана: не бойся, я с тобой. Идущий впереди незнакомец лет сорока, в большой фуражке, надвинутой почти на самые уши, остановился, тяжело переводя дыхание.

– День добрый, старик, – по-русски сказал он.

– Добрый день. – Курбан неплохо знал русский еще по армии и не забыл его в этих горах.

Шедшие следом двое людей, явно азербайджанцы, подошли поближе. Один был маленький, юркий, с бегающими глазами, постоянно улыбавшийся. Другой был среднего роста, коренастый, с густыми черными усами.

– Аллейкума салам, – поздоровался черноусый.

– Ваалейкума салам, – ответил Курбан, – садитесь, гостями будете.

– Спасибо, отец. – Они, видимо, шли издалека. – Далеко отсюда до границы?

– Нет, один день пути, – спокойно ответил Курбан. В горах нельзя задавать лишних вопросов, он это хорошо знал и поэтому не спросил, зачем незнакомцам граница. Но как ему не нравились двое последних! Они, правда, молчали, отводя глаза, но он явно ощущал их смятение. «Почему они так волнуются? – удивился про себя Курбан. – Один из них кажется мне знакомым. Где я мог его видеть?»

– Скажите, – теперь снова обращался старший, говоривший на русском, – впереди есть какие-нибудь посты?

Он снял свою фуражку, под которой была огромная лысина, и, достав носовой платок, начал вытирать голову.

– Не знаю, дорогой, – пожал плечами Курбан, – война идет. Может, есть, а может, и нету.

Ох, как ему не нравились двое последних незнакомцев, даже не смотревших в его сторону!

– Ладно, – махнул рукой черноусый, – будь здоров, чабан, до свидания. Нам еще долго идти. А ты что, один пасешь свое стадо, не страшно?

– Я не один, – спокойно возразил Курбан, заметив, как насторожились сразу все пятеро, – у меня трое друзей. Шайтан и его братья.

Он ласково потрепал огромного волкодава за уши.

– Да, конечно, – засмеялся черноусый, – это настоящие помощники. Пойдем, – кивнул он своим спутникам.

И вдруг один из все время молчавших незнакомцев как-то резко поправил автомат и повернулся в сторону Курбана. И он сразу узнал этот характерный нос, эти губы, эти глаза. Перед ним стоял Армен, сын Вазгена, в доме которого он много раз бывал до этой проклятой войны.

– Армен, – непослушными губами произнес Курбан.

Парень замер, не решаясь повернуться в сторону чабана. Рядом кто-то передернул затвор автомата.

– Черт бы тебя побрал, старик, – с явной угрозой произнес черноусый, – напрасно ты узнал его.

Курбан обернулся. Он ничего не понимал. Внизу, в долине, шла ожесточенная война вот уже пятый год. И недавние братья-соседи – армяне и азербайджанцы – убивали друг друга, стараясь превзойти врага жестокостью и коварством. А здесь, высоко в горах, он вдруг встречает отряд, где двое азербайджанцев и двое армян куда-то дружно идут. Может, наконец наступил долгожданный мир? Это была его последняя мысль. Автоматная очередь прошла его тело, и он успел еще увидеть метнувшегося к нему парня.

– Все-таки не напрасно, – тихо произнес Курбан, – старый хлеб не забывается.

Он умер до того, как парень успел подхватить его. Шайтан с яростью бросился на чужака. Черноусый взревел, схватившись за руку.

– Стреляйте, – в отчаянии закричал он, – скорее! Это животное оторвет мне руку.

Напарник Армена, достав пистолет, быстро подошел к ним и почти в упор расстрелял Шайтана. Только после пятого выстрела собака отпустила наконец руку обидчика и, сумев проползти несколько метров, умерла у ног своего убитого хозяина.

– Проклятые идиоты, – закричал лысый, – зачем вы стреляли? Неужели нельзя было обойтись без этого?

– Он узнал одного из наших людей, – оправдывался черноусый.

– Да, – кивнул Армен, – он меня узнал. Был знакомым моего отца.

Они стояли над чабаном, почти касаясь плечами друг друга. В этот момент со стороны стада послышалось рычание двух оставшихся собак. Всем пятерым пришлось отстреливаться, чтобы не подпустить животных к себе.

И лишь покончив с собаками, все снова посмотрели на убитого. Он лежал на земле, словно удивленный интернациональным единством стоявших над ним бандитов – русского, азербайджанцев, армян. Все пятеро уже давно потеряли совесть и переступили грань, отделяющую нормального человека от бандита. Но стоя теперь над трупом старого чабана, Армен все-таки испытывал какое-то неудобство, словно смерть этого старика как-то могла отразиться и на его собственной судьбе.

– Что делать с его телом? – спросил азербайджанец маленького роста.

– Бросим здесь, – махнув рукой, ответил старший группы.

– А потом азеры скажут, что армяне убили их чабана, – возразил армянин, стрелявший в Шайтана.

– Можно подумать, армяне не стреляют в азербайджанцев, – зло прошипел Омар.

– Но этого старика застрелил ты, – разозлился Армен, – не нужно на нас сваливать. Вартан, там, кажется, за камнями кто-то прячется.

– Быстро туда, – приказал старший по группе.

Варган, на ходу снова доставая пистолет, бросился к камням. Раздалось два выстрела.

Варган вышел из-за камней.

– Мальчишка был, – крикнул он, улыбаясь, – теперь счет сравнялся. Одного убил я, одного Омар. Пусть говорят, что стреляли армяне.

– Сука ты, – закричал Омар, – нашего парня убил!

– Еще одно слово, и стрелять начну я, – зло произнес старший, – уходим быстрее.

Выстрелы в горах далеко слышны.

Они снова построились в цепочку, и вскоре их небольшой отряд уже скрылся за горизонтом.

Из-за камней послышался стон. Тяжело раненный Али, слышавший весь разговор, был жив. Непонятно каким образом, несмотря на большую потерю крови, ему удалось продержаться почти сутки, когда к вечеру следующего дня их нашли чабаны соседнего селения. Али по-прежнему был жив, и его срочно отправили в госпиталь, расположенный в райцентре. Хотя шансов у мальчишки почти не было. Так говорили старики.

Глава 2

В этот день неприятности начались с самого утра. Сначала позвонили из журнала и попросили закончить статью, переданную всего два дня назад. В издательство поступило какое-то количество бумаги, и главному редактору удалось добиться первоочередного выхода своего журнала... который и без того опаздывал почти на целый год.

Потом на стоянке выяснилось, что сел аккумулятор в его автомобиле. Это была довольно большая неприятность. Аккумуляторы в этом году были в большом дефиците, а поступившие в город продавались лишь за доллары. И наконец, уже подходя к своему дому, он обнаружил ведущееся наблюдение.

Пришлось сделать контрольный круг и выйти на своего преследователя, столкнувшись с ним почти лицом к лицу, когда он выбегал из-за поворота.

– Ну, молодой человек, – улыбнулся Дронго, – зачем вы меня преследуете?

– Вы Дронго? – спросил парень лет тридцати. Он как-то мягко выговаривал букву «р».

– Допустим, что из этого следует?

– Я помощник регионального инспектора, – представился молодой человек.

– Да? – Он уже не удивлялся. – Я думал, вас давно распустили за профнепригодностью.

– Почему, – изумился молодой человек, – нас должны были распустить?

– А что полезного вы смогли сделать в Европе? Допустили войну в Югославии? Или у вас были большие успехи в Африке? Хотя при чем тут лично вы – это, наверное, мой возраст, простите. – Он повернулся, вошел в подъезд своего дома. – Вы идете за мной? – спросил Дронго, не поворачивая головы.

– Конечно, – поспешил молодой человек.

– У вас странный акцент, – задумчиво произнес Дронго, поднимаясь по лестнице, – вы словак или чех?

– Венгр, – быстро ответил молодой человек, – папа у меня венгр, а мама украинка.

Поэтому я так хорошо знаю русский язык.

– Как вас зовут? – Они уже поднялись на следующий этаж.

– Дьюла.

– Популярное венгерское имя. Настоящее или по документам?

Парень немного замешкался.

– Настоящее, – раздалось с верхнего этажа.

На верхней площадке стоял темноволосый, плотный, невысокого роста мужчина с трубкой в руках. На подбородке у него был заметен глубокий шрам, очевидно, полученный еще в молодости. Ему было лет сорок—сорок пять.

Дронго пригляделся внимательно. Сомнений не было.

– Мистер Лаутон, – сказал он с удовлетворением, – это вы, мистер Джеральд Лаутон?

Мужчина кивнул головой, не спеша убрал трубку и поднял свои руки. Дронго бросился наверх. Через минуту они уже больно давили друг друга в объятиях.

– Знал ведь, что сразу узнаешь меня, – возбужденно говорил Лаутон.

– Конечно, твой шрам невозможно забыть. Первое, что я увидел, когда начал приходить в сознание, – это круглую физиономию Дюнуа и твой чудовищный шрам. Потом я начал вспоминать все остальное.

Дьюла с интересом следил за встречей двух старых друзей. Дронго открыл дверь квартиры и пропустил гостей первыми. Еще через несколько минут они уже сидели в глубоких креслах и поочередно вспоминали события почти семилетней давности.

Тогда в Нью-Йорке Дронго и его друзьям удалось предотвратить покушение на жизнь Президентов США и СССР. Но сам Дронго был смертельно ранен и лишь чудом выжил. В те

дни врачи не оставляли ему ни малейших шансов, и руководитель специальной группы экспертов ООН Пьер Дюнуа буквально не отходил от его постели. Вдвоем с Лаутоном они дежурили по очереди у постели умиравшего товарища, надеясь на чудо. И чудо произошло, Дронго выжил. Но, вернувшись домой, надолго был отстранен от активной деятельности. Потом был август девяносто первого, распад СССР. Дважды о нем вспоминали в Москве, посылая на очень нелегкие задания, и дважды ему чудом удавалось возвращаться домой, теряя друзей и близких. В его жизни было слишком много чудес, и появление Лаутона в его городе, на лестничной площадке у его квартиры было одним из таких чудес.

Обмен воспоминаниями закончился, когда Дронго наконец поинтересовался:

– Вы приехали только для того, чтобы вспомнить наше прошлое? Или у тебя есть другое задание?

Лаутон оценил иронию Дронго.

– Да, – сказал он, улыбаясь, – у меня есть специальное задание для тебя.

– Ты теперь сотрудничаешь с Интерполом? – спросил Дронго.

– Конечно. Я и есть тот самый региональный инспектор по Закавказью, помощником которого является этот молодой человек. – Лаутон показал на Дьюлу.

– Не завидую, – тихо пробормотал Дронго, – пожалуй, на сегодня это один из самых сложных регионов в мире. И почему прислали именно тебя? Здесь не хватает больше местных кадров?

– Каких местных кадров? – изумился Лаутон, – в Грузии бюро Интерпола было парализовано более двух лет, в Армении почти не работало. А в Азербайджане руководителя местного отделения за участие в очередном перевороте просто посадили в тюрьму. Достаточно?

– Он действительно участвовал в перевороте? – поинтересовался Дронго.

– А ты сам не знаешь?

– Мне интересно твое мнение.

– Во всяком случае, именно по такому обвинению он посажен в тюрьму. Мы проверяли – связи с нашими делами здесь нет, чистая политика. А в политику, как тебе известно, мы не вмешиваемся.

– Удобная позиция, – пробормотал Дронго.

– Не понял.

– Ничего, просто для этого нужно пожить здесь достаточно долго. Продолжай дальше.

– Мы были встревожены сообщениями о бесконтрольной переброске больших партий наркотиков из Закавказья в Европу. Используя войну между Азербайджаном и Арменией, нестабильность в Грузии, местные преступные кланы наладили довольно тесное сотрудничество с пакистанскими и афганскими наркодельцами. И хотя исламское правительство Ирана пытается хоть как-то помешать этому бурному напору, успехи иранцев тут малозаметны. Или вообще очень незначительны. Американское ДЕА[ДЕА – Управление по борьбе с распространением наркотиков.] прислало своего человека в Грузию для более тесного сотрудничества с местными правоохранительными органами, но он был убит. Грузины потом уверяли, что это чистая случайность. Самый опасный для нас участок границы – между Азербайджаном и Ираном – захвачен воюющими армянскими частями Нагорного Карабаха. Там практически нет вообще никакого контроля. На это, кстати, указывали и армянские, и азербайджанские источники. Граница просто разрушена и никем не контролируется. И, по нашим сведениям, именно оттуда идет большое количество грузов в грузинские порты, откуда затем переправляется в Европу и Турцию.

– Поэтому ты здесь? – спросил Дронго.

– Нет, до меня сюда был послан представитель турецкого Интерпола Намик Аслан. О его прибытии в Баку знали лишь несколько человек из правительственных кругов. Догадываешься, что потом произошло?

– Я знаю, – очень спокойно ответил Дронго, – читал в газетах сообщение о смерти турецкого бизнесмена Намика Аслана. Его застрелили у гостиницы. Убийц до сих пор не нашли.

– Верно. А это означает, что здесь существует возможность передачи нашей информации местным наркобаронам. Согласитесь, с этим нужно разбираться серьезно.

– Поэтому ты приехал?

– Не только, – покачал головой Лаутон, характерным жестом поглаживая подбородок, где виднелся его шрам. – Как известно, во время чеченской войны Россия закрыла границы с Грузией и Азербайджаном. В Черном море появились сторожевые катера пограничной охраны русских. Но это не помешало потоку наркотиков не только беспрепятственно проходить через Грузию, но и, наоборот, найти свой выход через Северный Кавказ в Украину. Понимаешь, о чем идет речь?

– Все куплено, – устало пробормотал Дронго, закрывая глаза, – это так неинтересно. Здесь покупается все – политики, военные, полицейские, местная госбезопасность, пограничники, таможенники. И в России, и в Грузии, и в Азербайджане, да и в Армении. У людей не осталось никаких сдерживающих моментов. Наказания давно никто не боится – всегда можно откупиться, а моральные категории здесь не в почете. Все правильно, этого и следовало ожидать, мистер Лаутон. Ты знаешь, возникает интересный парадокс – американцы и западноевропейцы еще тысячу раз пожалеют, что успешно разрушили СССР. Все дерьмо, которое раньше сдерживалось в рамках «железного занавеса», хлынуло в «свободный мир», где и простора больше, и деньги настоящие, конвертируемые.

Русская мафия – это только часть проблемы. Миллионы эмигрантов бросились в поисках лучшей жизни на Запад, и среди них столько всяческого отребья и подонков, что в массе своей они, возможно, и составляют большинство. Оружие, наркотики, экспорт дешевых девочек в публичные дома Европы... Ох, как вам будет плохо.

– Ты как будто радуешься, – обиделся Лаутон.

– Нет, я плачу, – Дронго встал, – пойду заварю вам чай. Здесь принято пить чай, а не кофе.

Он прошел на кухню, прислушиваясь к тому, что происходит в столовой. Оба его собеседника молчали. Заварив крепкий чай и разлив его по стаканам, он собрал все это на поднос и вернулся в комнату.

– Попробуйте, – предложил он гостям.

– Спасибо, – Лаутон потянулся за своим стаканом.

Дьюла, чему-то улыбнувшись, взял свой.

– Так на чем мы остановились? – спросил Дронго. – На моей радости. Знаете, какая средняя зарплата в Закавказских республиках? Один-два доллара. Во всех трех ныне независимых странах. А ведь это был самый богатый край в бывшем Советском Союзе. Люди начали голодать, умирают от дистрофии, многие кончают жизнь самоубийством. Никто не видит никакой перспективы. И в этих условиях вы приезжаете сюда – из сытых, преуспевающих, обеспеченных стран и удивляетесь: почему здесь такое число преступлений, почему все куплено, почему все продается? А на что жить этим несчастным? Хотите пример? Зарплата у прокуроров республик Грузии, Армении и Азербайджана меньше, чем однодневный заработок любого нищего в ваших странах. А министры обороны получают денег столько, что не хватает даже на один хороший парадный мундир. Убедительно?

– А как они живут? – изумился Дьюла.

– Воруют, господа, все воруют. Берут взятки, воруют, торгуют всем, что имеет продажную цену. А так как самую маленькую цену имеет собственная совесть, то ее уже давно продали все, кому была предложена хоть малейшая подходящая цена.

– Тебе не кажется, что ты пессимист? – нахмурился Лаутон.

– Я еще оптимист. Хорошо, если министры и прокуроры берут только взятки. Нет, они еще лично возглавляют банды рэкетиров, контрабандистов, мошенников, которые платят им определенный процент за защиту. Иначе им просто не выжить.

– Прокурорам? – пошутил Лаутон.

– И министрам тоже, – очень серьезно ответил Дронго, – а вообще эти Закавказские республики уже сами граждане называют Баклажанией или Лимонией. У людей не осталось веры. И нет никаких шансов на будущее.

– Мрачно, – Лаутон попробовал чай. – Горячий, – сказал он недовольно.

– Чай пьют очень горячим, – объяснил Дьюла, – я уже знаю этот обычай.

– Значит, у нас нет никаких шансов что-нибудь здесь наладить? – прямо спросил Лаутон.

– Если честно – почти нет.

– Что означает слово «почти»?

– Это если вам удастся в этих условиях все-таки произвести расследование и выйти на самые верхи. В таком случае руководители Закавказских республик просто для сохранения имиджа своих государств вынуждены будут принимать жесткие меры, убирая одних бандитов и заменяя их другими. Но только если вы самостоятельно сможете добиться успеха. Ни на какую помощь не рассчитывайте. Здесь правит «закон негодяев», Джеральд, и вам будет очень трудно.

– Никогда не слышал о таком законе, – удивился Дьюла, – что это значит?

– Главное правило очень просто, – охотно пояснил Дронго. – Успей предать своего друга раньше, чем он сдаст тебя. Успей продать свою совесть по сходной цене, пока это не сделали твои компаньоны. В общем, успей предать, иначе это сделают другие.

– Французы говорят, предают только свои, – вспомнил Дьюла.

– Да, – кивнул Дронго, – но это они говорят о разведчиках, среди которых встречаются предатели. Один на тысячу. А здесь соотношение наоборот.

– Значит, у нас есть какие-то шансы, – Лаутон снова потер подбородок, он явно нервничал.

– Минимальные. И только потому, что здесь срабатывает закон эволюции. Более крупные твари пожирают более мелких. Политикам, озабоченным собственной властью и сохранением этой власти, приходится жертвовать слишком одиозными фигурами из своего окружения. – Он вдруг обратил внимание на слова Лаутона. – Что в данном случае означает слово «у нас»? – поинтересовался Дронго.

– У нас, – невозмутимо повторил Лаутон. – У меня, у Дьюлы и у тебя.

В комнате наступило молчание.

– Я, кажется, еще не давал своего согласия, – тихо напомнил Дронго.

– Ты ведь сразу понял, зачем я приехал. Мы не знаем местных обычаев, у нас нет нужной квалификации. Твое присутствие здесь просто как подарок судьбы.

– Я никогда не работал в этом регионе, – напомнил Дронго.

– Ну и что? – удивился Лаутон.

– Мне здесь жить. Несмотря ни на что, я люблю эти места, люблю этот город, в котором сейчас столько грязи, люблю этих несчастных людей, среди которых много моих знакомых и просто друзей. Потом вы уедете, если, конечно, нам удастся что-либо сделать. А мне оставаться здесь. Если у нас еще есть хоть какие-то шансы, то после вашего отъезда у меня шансов не будет. Ни одного. Ни единого. Мне здесь больше не жить. Я должен заплатить слишком большую цену, Джеральд, а я этого не хочу.

– Ты так ставишь вопрос, – пробормотал Лаутон, – что я даже не могу тебя уговаривать.

– И не нужно, Джеральд. Я могу вам всегда помочь консультацией, выйти на нужных людей, обеспечить связью. Но на большее не рассчитывайте. Я устал от этих грязных игр. Конечно, я живу в дерьме. Но это мое дерьмо, Лаутон, и я к нему привык. Постарайся меня понять.

– Жаль, – вздохнул Лаутон, – мы рассчитывали на твое согласие.

– Его не может быть, – твердо парировал Дронго, – ты ведь помнишь одно из главных правил «ангелов» Интерпола – никогда не проводить операции там, где тебе нужно закрепиться. А я все-таки хочу закрепиться здесь, мистер Лаутон. У меня нет другой родины. И бросать ее в этот сложный для нее момент я не намерен.

– Извини, – встал Лаутон, – но я понимаю тебя. И уважаю твои мотивы. Значит, будем действовать самостоятельно. Но, думаю, от консультаций ты не откажешься?

– Никогда. И от дружеского вечера тоже. У меня все-таки есть старые запасы валюты. Поэтому я приглашаю вас вечером в ресторан. В какой гостинице вы живете?

– Вот наш адрес. Мы оформлены официально по линии Интерпола, – протянул свою карточку Лаутон. – Вчера мы потеряли целый день, пока встретились с представителями правоохранительных органов. Поэтому о развале в твоей стране мы знаем уже из собственного опыта. До свидания.

Он протянул ему руку. Дронго крепко стиснул ладонь Лаутона. Больше не было произнесено ни слова.

Дьюла на прощание весело подмигнул, пожимая руку Дронго. Кажется, он был готов к такому.

Когда за гостями закрылась дверь, Дронго подошел к окну. Лаутон и Дьюла под пристальным вниманием соседских мальчишек садились в ярко-красный джип, вызывавший такой восторг у ребят.

Перед тем как уехать, Лаутон еще раз посмотрел на окно. Он не мог увидеть Дронго за занавеской, но Дронго видел его, и ему было тяжело. Он чувствовал себя предателем, бросившим в трудный момент своих товарищей. Сейчас он вспоминал многодневное ночное бдение Джеральда у его постели, и ему было обидно и больно, словно он впервые в своей жизни поступил непорядочно, обманув своих друзей. Лаутон все правильно понял, но от этого было не легче. И в этот момент зазвонил телефон...

Глава 3

В среднем за время его дежурства в районе случалось пять-шесть преступлений, из которых одно-два требовали его личного участия. В прокурату-ре не хватало людей, и следователи дежурили чаще обычного. Вот и теперь – получив сообщение об очередном преступлении, он вызвал машину, чтобы выехать непосредственно на место происшествия.

Следователь Евгений Чижов был молод и полон честолюбивых замыслов. Именно поэтому он отличался особым рвением, стараясь всегда докопаться до истины, въедливо копаясь в каждой детали происшедшего преступления. В отличие от своих коллег – потухших циников, невозмутимо присутствующих и при вскрытии трупа, и при осмотре белья изнасилованной, с участием потерпевшей, разумеется, он еще старался добиться хоть каких-то успехов, продолжая верить в торжество добра и справедливость закона. Хотя с каждым днем работы в прокуратуре иллюзии таяли, как весенний снег. А ведь ему было всего двадцать восемь лет.

Ехать было недалеко. На этот раз убийство было совершено в гостинице «Украина», находящейся на территории их Киевского района, Западного административного округа Москвы. Из УВД уже выходила группа и, обнаружив убитого, дала срочное сообщение в прокуратуру. Конечно, следователи МВД были рады избавиться от сложного дела; по закону, наиболее сложные преступления, в разряд которых, безусловно, попадало и убийство, должны были расследоваться следователями прокуратуры.

Вокруг было уже почти светло, когда Чижов прибыл к месту преступления. Шел шестой час утра. Недовольные, хмурые дежурные и двое милиционеров проводили его к лифту, где он поднялся на десятый этаж. Махнув рукой сопровождающим, он вошел в лифт один и нажал кнопку. На этаже его уже ждали. Руководителя группы из Киевского УВД майора Михеева Чижов знал уже два года. Константин Игнатьевич Михеев работал в органах милиции более двадцати лет и был блестящим профессионалом своего дела. Но и только. Участия в общественной жизни он не принимал, при прежнем режиме в партию вступил, когда ему было под тридцать, да и то под нажимом парткома. При нынешнем не скрывал своего брезгливого отношения к властям и к собственному руководству в городе и в стране. Во время октябрьских событий девяносто третьего, когда напротив гостиницы «Украина» танки в упор расстреливали парламент России, он занимался несвойственным офицерам милиции делом – спасал бежавших от артобстрела людей, помогал им скрываться. Точных фактов, правда, не было, и его не могли просто так выгнать из славной когорты «защитников порядка». Поэтому ему просто не дали уже прошедшее все инстанции решение о присвоении ему звания подполковника. И начальник уголовного розыска Киевского района так и остался единственным в городе майором на этой должности.

А менять его руководство МУРа и начальник УВД Киевского района отказывались категорически. Уж очень ценным и нужным работником был майор Михеев. В стране, где коррупция стала почти нормой, где каждый четвертый осужденный за лихоимство был работником правоохранительных органов, он являл собой образец неподкупного и порядочного человека, на которых и держалась еще окончательно не развалившаяся система.

Именно поэтому, увидев Михеева, так обрадовался Чижов.

С Игнатьичем работать было интересно. И, главное, спокойно. Можно было заранее предсказать, что никому не удастся надавить на майора, заставив его в необходимый момент менять тактику дознания, уводя истинных виновников из-под удара.

Михеев был небрит. Он стоял в старом, мятом пальто с незажженной сигаретой во рту. После того, как он решил бросить курить, вот уже полгода сослуживцы видели его в таком состоянии, когда подносить зажигалку мешала сила воли, а убраться окончательно сигарету не давала привычка.

– Как дела, Женя? – спросил Михеев. – Потревожили тебя этой ночью.

– Ничего, Константин Игнатьевич, – бодро ответил Чижов, – раз надо, так надо. Работа у нас такая.

– Да, – хмыкнул Михеев, – ну тогда пошли. Молодой ты еще, Женя, ох какой молодой! Вот и купаешься пока в нашем дерьме. Иди за мной. Работа у него такая...

Чижов, привыкший к ворчанию Михеева, покорно шел за начальником уголовного розыска, успевая заметить белое от испуга лицо дежурившей по этажу женщины и уставших работников оперативной группы, вышедших покурить в коридор.

В номере над телом убитого сидел на корточках молодой человек, внимательно изучавший содержимое карманов погибшего.

– Что-нибудь нашел? – спросил его Михеев.

– Ничего, – поднялся сотрудник Михеева, – только пачку долларов и два американских презерватива. Во внутреннем кармане. Видимо, всегда с собой носил, готов был применить в любой момент.

– Осторожный был, – наклонился над убитым Михеев, – эксперт смотрел?

– Смотрел, – кивнул парень, – смерть наступила вчера вечером. Говорит, минимум часов пять труп здесь пролежал. Дежурная ведь случайно зашла в номер, она говорит, у него была оплата до сегодняшнего дня. А на четыре часа утра было заказано такси в Шереметьево.

– Он такси вчера сам заказывал? – спросил Михеев.

– Сам. Позвонил и заказал. Потом оставил пять тысяч рублей на заказ.

– Уже выяснили, кто это? – наклонился над убитым и Чижов.

– Конечно. Михаил Гурамович Мосешвили. Тридцать пятого года рождения. Родился в Тбилиси.

– Ты еще скажи, в каком роддоме, – проворчал Михеев, – где и когда родился, не так важно. Что конкретного выяснили, кроме его паспортных данных?

– Приехал в Москву три дня назад. Он частый гость в «Украине». Его здесь многие хорошо знали. Говорят, что приехал в командировку. Прописан в Тбилиси. Руководитель коммерческой фирмы «ПАК» и «Ампекс». Имеет дочь, так в паспорте отмечено.

– Вот посмотри, Женя, – показал на парня выпрямившийся Михеев, – сколько нужно говорить о необходимости работать мозгами? А он идет, смотрит анкету, открывает паспорт и выдает нам нужную информацию. Кстати, познакомьтесь. Он и будет заниматься этим делом. Старший лейтенант Виктор Стеклов.

Парень кивнул Чижову. Он, казалось, совсем не обиделся на замечания Михеева, только внимательно слушал. Все знали, что Игнатьич – мужик справедливый. Поворчать любит, но в обиду не даст. И всегда при случае поможет.

Чижов посмотрел в спальную комнату. Погибший жил в «люксе» из трех комнат. Постели были аккуратно застелены.

– Он сегодня не ложился, – сказал Чижов.

– Верно, – кивнул Михеев, – что значит аналитическое мышление. Не ложился. Значит, убили часов в девять-десять. – Скрипнула дверь.

– Можно труп убирать? – спросил кто-то.

– Думаю, да. У вас нет возражений? – спросил подчеркнуто вежливо Михеев у Чижова.

– Никаких, – улыбнулся Евгений. – А еще что-нибудь выяснили? – спросил он уже у Стеклова.

– Сделали запрос по нашей картотеке. Там дежурные спали, – немного виновато ответил Стеклов, – но обещают сейчас уточнить, проходил ли он по нашей картотеке. Судя по всему, он крупный бизнесмен. Дежурная утверждает, что у него всегда было много гостей. А вот кто приходил вчера вечером, не видела. На этаже из лифта два выхода. Можно, выйдя из лифта, сразу пойти налево, и тогда дежурная увидит, кто именно идет по коридору, а можно свернуть

сразу направо, и тогда дежурная ничего не увидит. А там, дальше, коридоры соединяются и ведут прямо к нашему номеру.

– А может, убийца поднялся по лестнице с другого этажа? – спросил Чижов.

– Маловероятно, – возразил Стеклов. – Напротив нашего номера дверь на лестницу вчера была закрыта. Оттуда никто не мог появиться. Только через коридор. Но дежурная ничего не видела.

– И для чего их только держат? – удивился Чижов. – Они вечно сонные какие-то.

– Деньги зарабатывают для дирекции, – сквозь зубы пояснил Михеев, – обеспечивают девочками постояльцев, сдают номера на ночь без документов, закрывают глаза на нарушение режима – в общем, на всем можно делать деньги. Обычный гостиничный бизнес. Это сейчас здесь навели относительный порядок. Раньше вообще был рассадник заразы, столько всяческих гаденышей здесь обитало.

Вошедшие в номер несколько человек аккуратно положили носилки на пол, собираясь унести покойного.

– Подождите, – сказал Михеев. Он наклонился над убитым и с трудом снял с его пальца крупный перстень. – Теперь можете забирать.

Когда носилки вынесли из номера, он пояснил Чижову:

– Унесут к патологоанатомам, а потом тело в морге оставят, и колечко обязательно пропадет. Сколько таких случаев было, и окажется, что это очень важная улика. Или память для родственников погибшего. Поэтому кольца, даже обручальные, я все-гда снимаю. В моргах у нас известно кто работает. В последнее время совсем озверели, золотые зубы вырывают у покойных.

– Время такое, – уклончиво произнес Чижов.

Михеев ничего не сказал. Он выплюнул уже сжеванную сигарету и, достав новую, снова положил ее между зубами.

– На теле погибшего два огнестрельных ранения, – коротко сообщил он Чижову, – одна пуля пробила сердце, другая – легкое. Как я думаю, стреляли профессионалы, причем, конечно, применяли глушитель, иначе выстрелы были бы слышны по всему коридору. Видимо, застали врасплох. Хотя убийца должен быть один, так как двоих в этот вечер вообще не видели. Мои ребята еще порасспрашивают вчерашнюю смену. Кроме того, внизу много магазинов, может, девочки-продавщицы видели что-нибудь.

– А его вещи смотрели? – спросил Чижов.

– Два чемодана у него, – пояснил Михеев, – а замки очень сложные. И на ключ закрываются, и цифровой код имеют. Французские чемоданы «Делсей». Ломать их я не хочу. Думаю забрать их с собой. У нас их осторожно откроем и посмотрим, что в них.

– Да, – согласился Чижов, – так будет вернее.

– Пойдем, – предложил Михеев, – мои ребята протоколы осмотра места происшествия оформят. Отпечатков все равно никаких нет, кроме отпечатков погибшего. Я лично смотрел. Работали профессионалы. Может, даже заказное убийство. Хотя убитый был коммерсантом. Вряд ли мог открыть дверь кому попало.

– А может, он ее вообще не закрывал, – предположил Чижов.

– Точно закрывал, – пояснил Михеев, – сам проверял. Здесь язычок заедает. И как только прикрываешь дверь, она автоматически защелкивается и срабатывает замок. Дверь запирается. Значит, своему убийце или убийцам Мосешвили сам дверь открыл. А это уже очень важно. Может, его знакомые были, может, его друзья. Нужно будет проверить и эту версию. Узнал, кто его поселял в гостинице? – спросил Михеев у Стеклова.

– Нет еще, – чуть виновато ответил старший лейтенант, – там пока все спят.

– Это уже не годится, – покачал головой Михеев, – в таких случаях нужно быстро работать. Убийства здесь не каждый день случаются. А сонные люди соображают плохо, скрыть что-либо им трудно. Уловил?

– Да, – улыбнулся Стеклов, – все понял.

– И не улыбайся. Смотри, какой улыбчивый. Вторую ночь не спит и все улыбается. Вчера брали банду, – пояснил он Чижову, – нашего сотрудника Петю Варламова тяжело ранили. Он сегодня должен был дежурить. Вот Виктор за него и отработывает.

– А я ничего не знал, – удивился Чижов.

– Ну и правильно, – рассудительно заметил Михеев, – чего лишний раз трепаться. А прокурор твой донесение вчера получил. Не волнуйся, с бумажками у нас все в порядке. Просто я обратил внимание – когда, кроме меня и моих ребят, кто-нибудь узнает о готовящемся захвате, у нас обязательно «пустышка» получается. Не обижайся, я, конечно, не о тебе говорю. Поэтому я суеверный стал, теперь только сам знаю, когда операция начнется. Так надежнее, поверь мне.

Они вышли в коридор, проходя к лифту. Там уже их ждала дежурная, крашеная блондинка лет сорока пяти.

– Какой ужас! – сказала она, притворно закрывая глаза.

– Это, гражданка, не ужас. Это обычное преступление, – сухо заметил Михеев, – а вот что творится у вас в гостинице – это действительно ужас.

– А при чем тут я? – сразу забыла о покойном дежурная.

– Конечно, ни при чем. Это я так, к слову. Кстати, Лену ведь вы привели работать в гостиницу.

– Кто вам сказал? – разозлилась дежурная. – Эта дрянь?

– Кто надо, тот и сказал. А вы, гражданка Семенова, кончайте со своими номерами. Нечего тут бардак разводить, – строго заметил Михеев, – узнаю еще раз – поставлю ваш вопрос перед дирекцией.

– А я ничего не знаю, – заплакала женщина, – при чем тут я? Я даже не видела, кто прошел к этому Мосешвили. Честное слово, не видела.

– А кто раньше ходил, узнать можете? – спросил Михеев.

– Думаю, да, – быстро ответила женщина, – я его друзей многих в лицо знаю. Он часто у нас останавливался.

– Завтра придете к нам в УВД. Знаете куда?

– Конечно, знаю.

Михеев, не сказав больше ни слова, вошел в лифт. Чижов последовал за ним. Еще один сотрудник Михеева внес два чемодана.

– Круто, – покачал головой Чижов. – Строгий вы человек, Константин Игнатьевич.

– Будешь здесь строгим, – пробормотал Михеев, – она девочек поставляет богатым клиентам. Одна уже заразилась какой-то гадостью. А этим все равно – были бы деньги.

Они прошли пустой вестибюль, вышли на улицу.

– Грузи чемоданы в машину, – махнул рукой Михеев. – Поедешь с нами? – спросил он у Чижова.

– Конечно.

В машине они молчали, только Михеев выплюнул вторую сигарету и достал третью, снова принявшись ее нещадно жевать.

Они не успели даже подъехать к зданию УВД, когда дежурный, выскочивший из помещения, начал размахивать руками.

– Чуяло мое сердце, – разозлился Михеев, – опять что-нибудь произошло.

Он не спеша вылез из автомобиля.

– Что опять случилось? – спросил он у дежурного майора.

– Пришло сообщение об убитом, Константин Игнатьевич, – протянул листок бумаги майор. – Мне ваши ребята сказали: срочно передай Михееву.

Это был ответ на запрос в информационный центр. Несмотря на ночное время, дежурные смогли почти сразу найти данные Мосешвили. И ничего удивительного в этом не было.

Михаил Гурамович Мосешвили, 1935 года рождения, был неоднократно судимым вором в законе. На его счету было восемь приговоров суда и почти двадцатидвухлетний общий срок пребывания в местах заключения. Дважды он пытался бежать. В Грузии он был широко известен под кличкой Михо.

– Такие дела, – протянул компьютерную распечатку Михеев, – теперь жди крупных разборок. Давно такого авторитета не убирали. Видимо, кто-то в Москве решил начать новую войну.

Чижов ошеломленно вчитывался в данные «героической» биографии Михаила Гурамовича.

Глава 4

Это уголовное дело прокурор решил поручить следователю Мирзе Джафарову. За последние два года таких уголовных дел у него было почти два десятка, и Мирза твердо знал, что их раскрытие в обозримом будущем не просто нереально, но и вообще почти невозможно. В Карабахе шла ожесточенная война, и согласно закону по каждому случаю смерти того или иного гражданина республики следовало возбуждать уголовное дело. Как и принято в цивилизованных странах. Но, во-первых, шла война и многие территории, где совершались эти убийства, были просто захвачены врагом. Во-вторых, граждане Нагорного Карабаха не считали себя гражданами Азербайджана и тем более не собирались исполнять законы республики. А в Баку их, в свою очередь, де-факто не считая согражданами, де-юре признавали, что все армяне, живущие на территории Нагорного Карабаха, как и весь анклав, являются территорией суверенного Азербайджана, и принципиально продолжали возбуждать уголовные дела по любому факту насилия. Правда, в данном случае в приграничном районе был убит старый чабан и тяжело ранен его молодой напарник. Преступление, конечно, совершили армянские бандиты, как считали в прокуратуре, и Мирзе в очередной раз было поручено допросить тяжело раненного свидетеля, возбудить уголовное дело и... забыть о нем, так как расследование в тех местах проводить было просто невозможно, да и бандиты не собирались ждать прокурорского работника, отсиживаясь на месте преступления.

Тяжело раненного Али Новрузова привезли из райцентра, где врачи уже не могли ему помочь. Мальчика спасло чудо. В Баку находилась миссия Красного Креста из Женевы, и среди врачей был известный хирург Кристиан Андрэ, который и спас больного в результате проведенной почти восьмичасовой операции. Теперь можно было не опасаться за жизнь больного, и следователю по особо важным делам поручили допросить больного для формального возбуждения дела.

В больнице была обычная грязь, неустроенность и беспорядок. С трудом найдя палату больного, Джафаров зашел в нее, обнаружив шесть очень близко лежавших больных. Раньше, в лучшие времена, здесь по нормам оставались двое тяжелобольных, теперь, из-за нехватки отапливаемых помещений, больных собирали в одну палату. Несмотря на март, на улице было еще довольно холодно.

Найдя кровать Новрузова, следователь подошел к ней и, не обнаружив свободного стула, сел прямо на кровать. Парень испуганно следил за ним.

– Как дела? – устало спросил следователь. Конечно, нужно было улыбнуться, но у него не было сил на эти церемонии.

– Спасибо, все хорошо, – тихо произнес парень.

– Врачи говорят, жить будешь, – произнес дежурную фразу Джафаров, – считай, второй раз родился.

– Спасибо, – у парня был довольно жалкий вид.

– Давай рассказывай, как там все случилось, – достал блокнот и ручку Джафаров. Магнитофонов у них уже не было, а имевшиеся давно были сломаны.

– Они убили Курбан-киши, а потом стреляли в меня, – тихо проговорил Али, – кажется, два раза.

– В тебя кто стрелял, ты видел? – уточнил Джафаров.

– Конечно.

– Армянин был?

– Да.

– Какие-нибудь подробности запомнил?

– Нет. Его, кажется, Варган звали. Там еще Армен был.

- Вартан в тебя стрелял?
- Да.
- Можешь его описать?
- Здоровый такой, с заросшими бровями. Больше ничего не помню.
- Ясно, – вздохнул Джафаров. «Все как обычно, – подумал он. – Нужно будет заехать домой побриться».
- И Курбана застрелил этот армянин? – спросил он уже для порядка, закрывая блокнот.
- Нет, – тихо сказал Новрузов, – не он.
- А кто? – Он уже положил блокнот обратно в портфель.
- Азербайджанец, – очень тихо произнес парень, чтобы не слышали соседи.
- Какой азербайджанец? – разозлился Джафаров. – Там же одни армяне были!
- Азербайджанцы тоже, – возразил парень.
- Вместе с армянами? – не обращая внимания на соседних больных, громко сказал Джафаров. – Совсем с ума сошел ты. У тебя бред какой-то.
- Нет, – возразил парень. – Там были азербайджанцы. Двое. Одного звали Омар. Другого имени не помню, но точно был азербайджанец.
- Соседи по больничной палате начали негромко переговариваться. Джафаров впервые пожалел, что так громко возмутился.
- Они были вместе? – тихо спросил он.
- Да, вместе. Два азербайджанца и два армянина. И еще был какой-то русский. Большой такой, лысый.
- Имени его не слышал?
- Нет, его имя они не называли.
- А почему застрелили старика?
- Он узнал кого-то из армян. Произнес его имя, и тогда азербайджанец его сзади убил из автомата.
- Все они так, – громко сказал лежавший рядом инвалид без ноги, видимо, потерявший ее на фронте, – продажные твари.
- Не мешай, – строго произнес Джафаров, – видишь, мы работаем. Поэтому я и приехал сюда, чтобы таких негодяев выводить на чистую воду. Народ воюет, а они торговлей занимаются.
- Не торговлей, – снова возразил этот несчастный Новрузов.
- А чем? – очень тихо спросил Джафаров.
- Они шли в сторону границы. У них были большие рюкзаки. Спрашивали про посты. В горах так обычно перевозят наркотики.
- Много говоришь, – нахмурился Джафаров. – Значит, азербайджанца Омаром звали? Описать его можешь?
- Среднего роста, с черными усами, все время улыбался. А второй маленького роста, весь заросший был. Его лица не разглядел.
- Втянул ты нас в историю, – прошептал Джафаров. – Ладно, ты поправляйся, а я постараюсь найти этих предателей. Может, они проводниками были. Я к тебе еще зайду.
- Не обращая внимания на тяжелое молчание в палате, он быстро вышел за дверь. «Весь день испорчен», – подумал он. Нужно будет все-таки заехать домой, побриться. А потом к начальнику отдела – докладывать об этом убийстве старого чабана. Неужели парень прав и там были вместе азербайджанцы и армяне?! В самом факте не было бы ничего необычного десять лет назад. Но сейчас... Когда идет война между их странами, когда в Нагорном Карабахе не осталось ни одного азербайджанца, это более чем странно. И почему они шли к границе? Он знал, что в последнее время на северо-западе республики участились случаи перехода армяно-азербайджанской границы. Несмотря на войну, торговцы и контрабандисты делали свой выгод-

ный бизнес, доказывая, что нажива и прибыль не зависят от понятия чести и патриотизма. Бандиты были «настоящими интернационалистами» в таком деле, не гнушаясь контрактами с воюющей стороной. Часто через пограничный Казах даже продавали бензин в соседнюю Армению, а затем армянские танки на азербайджанском бензине шли расстреливать азербайджанские деревни. Порядочные люди, протестующие вообще против этой бессмысленной братоубийственной войны, не могли понять, как можно торговать не только бензином, но и оружием (на войне!), обмениваться трупами убитых, продавать за деньги заложников. Общая атмосфера безнравственности делала людей циниками и мародерами.

Джафаров, потерявший недавно на войне родственника, искренне возмущался этими фактами, но понимал, что бороться против подобного бессмысленно. У бандитов были большие связи и с той и с другой стороны.

Правда, на этот раз события происходили на юге республики, непосредственно у иранской границы, и теперь уже от него зависело расследование этого дела. Он понимал, что шансов почти никаких, но его профессиональная гордость не позволяла отступить. И он помнил тяжелое молчание всех шестерых инвалидов в той больничной палате, словно заранее презирающих его трусость и попустительство.

Побрившись, он поехал докладывать начальнику отдела. Его непосредственный руководитель – Имран Кязимов – работал в органах прокуратуры около тридцати лет и всегда отличался от своих более резких коллег каким-то непонятным спокойствием и добродушием. Может, всему виной была его тучность. Кязимов давно перешел стокилограммовую отметку и, по слухам, полнел каждый год на два-три килограмма. Несмотря на военное время, работники прокуратуры жили куда лучше обычных граждан, ибо общая атмосфера вседозволенности и бесконтрольности позволяла им закрывать любое уголовное дело, получая за это приличные отступные. За последние три года в республике сменилось пять высших руководителей, среди которых было три президента, и уже это обстоятельство делало прокурорский надзор фикцией, превращая его в бессмысленную суету.

Кязимов слушал своего подчиненного молча, он любил, когда следователи могли выговорить все, что хотели сообщить по данному делу. И лишь когда Джафаров закончил, он тяжело задыхался, доставая сигареты. Врачи давно запретили ему курить, но он, привыкший дымить в своем кабинете, не обращал внимания на угрозы эскулапов и жалобы своей супруги.

– Значит, были азербайджанцы, – нахмурившись, уточнил Кязимов.

– Парень утверждает, что были. Даже дает описание внешности. Одного звали Омар. Согласитесь, с таким именем армянина быть не может, – доложил Джафаров.

– Конечно, не может, – задумался Кязимов. – Где это произошло, можешь показать на карте?

– Конечно, – Джафаров подошел к большой карте республики, висевшей за спиной Кязимова, – вот приблизительно здесь, почти у самой границы.

– Интересно, – задумался Кязимов, – я ведь сам из этих мест.

– Не знал, – кивнул Джафаров, – я вообще всегда мало интересовался, кто из какого района.

– Поэтому ты до сих пор только следователь, – добродушно заметил Кязимов, – а пора бы уже знать, что в Азербайджане главное – родиться в нужном месте. И в нужное время.

– Ничего не поделаешь, – засмеялся Джафаров, – второй раз родиться я уже не смогу.

– Не зарекайся, – усмехнулся Кязимов, – я знаю немало деятелей, которые умудрялись даже менять паспорта с местами своего рождения, угадывая под очередного лидера.

– Это не для меня.

– Знаю, – засмеялся Кязимов.

Джафаров вернулся на свое место, сел за стол напротив Кязимова.

– Дело в том, что в Карабахе и в районах вокруг него в основном живут шииты[**Шииты** – одно из двух основных течений в мусульманской религии. В основном проживают в Иране, Азербайджане, Ираке, частично в Пакистане, Афганистане, Туркмении, Таджикистане.], – напомнил Кязимов, – и людей с именем Омар среди местных очень легко отыскать. Там всего три деревни, где живут сунниты. Поэтому твоя задача сильно упрощается. Если убийца местный, а неместные вряд ли бы так хорошо ориентировались в горах, то его несложно найти.

– Понял, – загорелся Джафаров, – я как-то об этом не подумал.

– Возьми командировку и поезжай туда, – разрешил Кязимов, – я сам доложу заместителю прокурора республики. Согласие, считай, я тебе дал, но действуй осторожно. Вполне вероятно, что перебрасывали наркотики, а это дело грязное, пусть им милиция занимается – у нас и без того работы хватает. Если подтвердится, что такой человек действительно проживает в районе, хватай его за шиворот и вези сюда. Во время войны таким делом занимается мерзавец. Мы все, конечно, не святые, но своих детей этой гадостью не травим. Знаешь, как выросло за последнее время потребление наркотиков среди молодежи? Мне Исаев рассказывал, сколько в милиции дел, страшно сказать.

Исаев был начальник отдела прокуратуры надзора за следствием в органах милиции. Их связывала с Кязимовым многолетняя дружба.

– И потом, ты только подумай, какая наглость! – продолжал возмущаться Кязимов. – Война идет, а они своим бизнесом занимаются! Старший, который ни азербайджанцем, ни армянином не был. Им нужно серьезно заняться. Может, это иностранец. Если он говорит по-русски, это совсем не значит, что он русский. Нужно состыковаться с местной госбезопасностью, может, у них есть какие-нибудь сведения. Ты поезжай, а я попрошу Велиева позвонить в Министерство национальной безопасности. Пусть дадут задание своим на месте, чтобы все подробнее выяснили. Если что-нибудь узнаешь, сразу мне докладывай, а я сам позвоню руководителю районной администрации. Эльдар Касумов очень хороший парень. Я его много лет знаю. Он тебе поможет.

– Спасибо, – начал собирать бумаги Джафаров.

– Будь осторожен, – посоветовал на прощание Кязимов, – сам знаешь, какая сейчас ситуация. Никому не доверяй. Раз они так нагло действовали – значит, имеют своих осведомителей и в милиции, и в госбезопасности. Там прокурор района новый, его перевели недавно из Гянджи. Я его хорошо не знаю, поэтому будь с ним поаккуратнее. Говорят, он человек самого премьера, но никто более определенно сказать не может.

– Ясно, – поднялся Джафаров, – когда мне можно выезжать?

– Завтра, – Кязимов, не вставая, протянул свою огромную руку. – Будь здоров. И не забудь сегодня получить оружие. Там может понадобится. Я распорядюсь, чтобы тебе его выдали.

Когда за ушедшим следователем закрылась дверь, Кязимов, вздохнув, поднял трубку внутреннего служебного телефона.

– Можно мне к вам зайти? У меня важное дело.

– Заходите, – разрешил заместитель прокурора республики Анвер Велиев.

Кязимов, тяжело поднявшись, чуть затянул свободно болтавшийся галстук и вышел из кабинета. В приемной у Велиева никого не было, и он, кивнув секретарше, вошел в кабинет.

– Здравствуйте, – Велиев встал, увидев вошедшего Кязимова. Они обменялись рукопожатиями и, пройдя в дальний конец кабинета, сели в глубокие кресла. Кязимов с трудом уместился в кресле, чувствуя, как ему трудно дышать.

– Что-нибудь случилось? – спросил Велиев.

Он только недавно был назначен заместителем прокурора республики и демонстрировал свой демократизм, относясь ко всем одинаково ровно и доброжелательно.

– В Физулинском районе, почти у самой границы, был убит чабан, – коротко доложил задыхающийся Кязимов. – С ним был его молодой помощник. Он остался в живых, хотя в него тоже стреляли. Теперь этот парень уверяет, что границу переходили объединенные в одну банду азербайджанцы и армяне. А командовал ими какой-то чужак. Парень считает, что бандиты занимались переброской наркотиков.

– А вы как считаете? – Велиев, несмотря на свои пятьдесят лет, сохранял стройную фигуру спортсмена и почти молодое энергичное лицо, которое несколько портили седые волосы на голове, так отчетливо напоминая о возрасте Анвера Мамедовича. Он даже улыбался какой-то западной улыбкой, демонстрируя свои дорогие зубные протезы.

– Мы пока не знаем точно, – уклонился от ответа Кязимов, – но я завтра собираюсь послать туда нашего следователя. Пусть поищет на месте. Может, что-нибудь узнает.

– До линии фронта далеко? – спросил Велиев.

– Не очень. Вы же знаете, большая часть Физулинского района захвачена противником. Расследование можно будет вести из Бейлагана. Это единственный выход. Главу местной администрации я знаю. Я его попрошу помочь нашему следователю. Но нам нужна ваша помощь.

Велиев молчал, слушая Кязимова. Он, поощряя, кивнул головой.

– Нужно будет связаться с Министерством национальной безопасности, – попросил Кязимов, – чтобы они дали указание своим людям оказать нашему следователю необходимую помощь.

– Сделаем, – пообещал Велиев, – что-нибудь еще?

– Нет, этого пока достаточно.

Велиев легко поднялся, подошел к аппарату правительственной связи, набрал номер телефона заместителя министра национальной безопасности.

– Добрый день, Расим Пашаевич, вас беспокоит Велиев. Помощь ваша нужна. Наш сотрудник сегодня выезжает в Бейлаган. Может, вы дадите указание своим работникам помочь нашему следователю. Да, да, большое спасибо.

– Как фамилия следователя? – спросил Велиев у Кязимова.

– Джафаров, – быстро ответил Кязимов, с завистью наблюдая за подтянутой фигурой Велиева. Говорили, что он в молодости увлекался волейболом.

– Джафаров, – передал фамилию следователя Велиев, – большое спасибо. Нет, у нас только убийство чабана. Просто ближе к границе, почти у самой станции Горадиш. Ах, вы сами едете туда? Зачем так далеко? Что произошло? Это интересно. Нет, я об этом не слышал. Нет, в первый раз слышу. Спасибо за информацию.

Он положил трубку, несколько секунд молчал. Затем, словно вспомнив о присутствии Кязимова, резко обернулся.

– Что случилось? – спросил Имран Кязимов.

– На границе у иранского города Аслендуз два дня назад была перестрелка, – коротко сообщил Велиев, – есть убитые контрабандисты. Иранцы просят нашего представителя, чтобы выдать ему трупы.

– Он сам поедет туда? – догадался Кязимов.

– Да, – кивнул Велиев и немного задумчиво добавил: – Видимо, это ваши подозреваемые. Двое убитых. Иранцы настаивают, что один из них армянин, а один азербайджанец. Но документов никаких не найдено. Интересно, как они могут определять национальность убитых без документов.

– Очень просто, – улыбнулся Кязимов, он действительно был лучшим среди следователей республики и по праву занимал должность начальника следственного отдела, – для этого не нужны документы.

– Не понял? – Велиеву не нравилась находчивость своего подчиненного.

– Достаточно снять с них брюки, – пояснил пытавшийся подняться из кресла Кязимов.

– При чем тут брюки?

– Мусульманская традиция. Мусульманин-азербайджанец будет обязательно обрезан, а христианин-армянин – нет. Вот и весь секрет.

Велиев усмехнулся.

– Так просто, – пробормотал он, – и не нужно никаких документов. Вы хорошо мыслите, Имран Кулиевич.

– Спасибо, но здесь не нужно особого умения. Просто быть немного внимательным. А может, нашему следователю выехать прямо вместе с Расимом Пашаевичем?

– Это будет неудобно, – возразил Велиев, – пусть ваш Джафаров едет в район и уже на месте решает, что ему дальше делать. Помощь со стороны местной безопасности Расим Пашаевич обещал. А остальное пусть ваш Джафаров продумывает сам. В конце концов, может быть и совпадение.

– Они шли именно на Асландуз, – спокойно возразил Кязимов. – Думаю, это те самые, которых мы ищем.

– Тогда тем более пусть этим делом занимается Министерство национальной безопасности. – У Велиева окончательно испортилось настроение. – Все прояснится завтра, тогда и поговорим. Пусть ваш следователь постоянно держит нас в курсе дела. Все, что там будет происходить, пусть докладывает нам. Или мне, или вам. Нужно держать это дело под строгим контролем.

– Я так ему и приказал. – Кязимову наконец удалось оторваться от кресла. – Завтра вечером я доложу вам о его деятельности.

– Договорились. – Настроение у Велиева было испорчено окончательно, он даже не стал демонстрировать свою демократичность, провожая подчиненного до дверей. Сухо кивнув выходящему Кязимову, он остался сидеть в своем кресле.

Кязимов, так и не понявший, почему внезапно разозлился Велиев, неторопливо зашагал к буфету.

А оставшийся один Анвер Велиев долго сидел за столом, глядя на лежавший перед ним чистый лист бумаги.

Внезапно зазвонил аппарат внутренней связи. Он вздрогнул, но трубки не взял. Прозвонив несколько раз, телефон умолк. Велиев поднял трубку правительственного телефона, непослушными пальцами набрал три цифры и произнес первое слово:

– Сука...

Глава 5

Он продолжал смотреть, как отъезжает джип с его бывшими коллегами, а телефон продолжал звенеть. Наконец он поднял трубку.

– Здравствуйте, – сказал вежливый голос. Очень вежливый.

– Слушаю, – ему не понравился сам тембр этого приторно-мягкого баритона.

– Ваши друзья уже уехали? – спросил незнакомец на другом конце провода.

– По-моему, да, – в таких случаях нужно сохранять спокойствие, это он знал хорошо.

– Вы согласились им помогать? – спросил баритон.

– А вы как думаете?

– В данном случае меня интересует ваш ответ.

– Вы же все наверняка слышали. Раз смогли найти мой телефон и проследить место встречи, то наверняка должны были и прослушать нашу беседу, – он умел оставаться спокойным.

– Здесь не Америка, Дронго, и даже не Европа. У нас еще нет такой совершенной техники, – баритон был предельно откровенен.

– Учту на будущее. Зачем вы позвонили?

– Вы не ответили на мой вопрос – вы согласились сотрудничать с сотрудниками Интерпола?

– Я должен отвечать?

– Думаю, да. Позже я объясню свои мотивы.

– Я отказался. – Можно было предположить, что и здесь действуют не только дураки. Раз они смогли вычислить его и так быстро выяснить, с кем именно встречался Лаутон, значит, задействована была и местная служба национальной безопасности.

– Мы так и предполагали. – Неужели ему послышалось в голосе баритона странное удовлетворение?

– Что вам нужно? – Он начал терять терпение. Для столь неожиданного звонка он и так держался слишком хорошо.

– Нам не нравится слишком активная деятельность мистера Лаутона. Согласитесь, это почти вмешательство во внутренние дела. И нас тем более не устраивает, что среди его знакомых в нашей республике есть такие профессионалы, как вы. Думаю, вы поняли, что мы хотели бы всячески избежать ваших дальнейших встреч с мистером Лаутоном.

– Я могу узнать, с кем разговариваю?

– Это для вас имеет большое значение? Скажем, я ваш друг, искренне восхищавшийся вашими прежними успехами. Кое-что мы слышали и в нашей провинции. Если вы и дальше хотите плодотворно работать за рубежом – на здоровье. Это ваше право. Если хотите сотрудничать с нами – прекрасно. Хотя, думаю, вы откажетесь и от этого предложения. Значит, у нас с вами есть единственный выход – вы должны добровольно покинуть город. И желательно как можно быстрее.

– Интересная перспектива, – пробормотал Дронго, – вы обещали сказать о мотивах.

– Я думал, вы поверите мне на слово. У вас ведь, кажется, в городе живет сестра и у нее двое маленьких детей. Неужели и это обстоятельство вы считаете не столь важным?

– Интересно! – Ему давно не хватало такого сильного раздражителя, он даже весь подобрался, как на охоте, теперь начиналось самое важное: – Не думал, что вы будете меня шантажировать.

– Это не шантаж, – возразил его собеседник, – всего лишь разумная мера предосторожности. Согласитесь, с таким профессионалом, как вы, не мешает иметь лишний козырь.

– А вы точно не играете краплеными картами? – не удержался Дронго.

Незнакомец умел ценить шутку, послышался его мягкий смех. Но он не произнес больше ни слова, ожидая, что скажет Дронго. Ему казалось, что козыри на его стороне. «Напрасно они меня шантажируют, – с досадой подумал Дронго. – Теперь придется ввязаться в эту историю. В конце концов, я сделал все, что мог, стараясь избежать подобного хода события. Напрасно этот смешливый ублюдок мне позвонил. Он даже не подозревает, как сильно рискует. В следующий раз он будет смеяться в моем присутствии. Если ему, конечно, будет смешно».

– Что я должен делать? Уехать навсегда? Но у меня нет больше ни денег, ни места, где я могу жить, – соврал Дронго.

Деньги у него еще оставались. И, по местным понятиям, очень большие деньги. А место, где жить, он вполне мог найти по всему миру. Для этого не требовались большие деньги и связи. Достаточно было вспомнить своих старых знакомых. Но незнакомец этого не должен был знать.

– Мы учли это обстоятельство, – сразу сказал баритон, – вы получите через полчаса билеты на утренний рейс и тысячу долларов. Поживите два месяца в Москве или еще где-нибудь, подальше от наших мест. А через два месяца можете вернуться. Кстати, найдете своих родственников живыми и здоровыми. И еще одно неперемное условие – каждые три дня вы будете звонить нам по телефону, который будет на конверте. Если вы опоздаете хотя бы на один день, это будет означать, что наш контракт расторгнут. Последствия вы легко можете представить. А через два месяца ваших друзей здесь уже не будет. У них просто кончится виза.

«Напрасно он так разговаривает», – в который раз подумал Дронго. Решение нужно было принимать мгновенно. Собственно, для таких случаев все давно предусмотрено. Интересно, сумеет ли Лаутон вспомнить старые системы связи. А другого выхода просто нет. Теперь нужно начинать игру.

– Ладно, – согласился он, – вообще-то мне не нравится ваш голос. И ваши угрозы тоже очень не нравятся. Но раз вы так настаиваете. Да еще предлагаете деньги – я просто вынужден согласиться. Присылайте вашего курьера, утром я улечу.

– Я знал, что мы договоримся, – удовлетворенно сказал баритон, – вы умный человек, Дронго. А когда вы вернетесь – думаю, мы сможем договориться и о нашей совместной деятельности. Это и в ваших интересах.

– Вот это никогда. Я слишком устал от подобных трюков. Именно поэтому я отказал Лаутону и поэтому я уезжаю завтра утром. Вы же понимаете – если бы я хотел остаться, я бы придумал что-нибудь.

– Благодарю вас. – Мерзавец был слишком интеллигентен, не понимая, что подставляется. Мерзавцев, говорящих «благодарю вас», не так много. Его легко будет вычислить.

– До свидания, – Дронго положил трубку.

Теперь нужно действовать быстро и решительно. Он достал блокнот, написал короткое письмо, подчеркнув последнюю фразу, положил бумагу в конверт и вышел из квартиры. В соседней квартире жила семья, где двое подрастающих ребят обожали Дронго, считая его своим кумиром. Он позвонил в дверь. Дверь открыла соседка.

– Добрый день, – улыбнулся Дронго, – Алик дома?

Это был старший из братьев.

– Да, – улыбнулась в ответ женщина. Ей нравился тихий, всегда вежливый сосед, хотя до сих пор и не женившийся. Она позвала сына:

– Алик!

Из комнаты вышел юноша семнадцати лет. На прыщавом лице было любопытство – сосед не так часто заходил к ним. А они с братом любили бывать в гостях, где, кроме удивительного собрания книг, можно было увидеть немало занимательных безделушек, столь интересных для ребят.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Алик, – а я как раз хотел попросить у вас книгу по карате.

– Я ее тебе вообще подарю, – засмеялся Дронго, – мне она не нужна. Слушай, Алик, вот этот конверт нужно срочно отнести в гостиницу Интуриста. Бывшего Интуриста, конечно. На набережной. Знаешь такую?

– Конечно, – кивнул парень.

– Только передай лично в руки мистеру Лаутону. Ему и никому другому. Понял?

– А в каком он номере?

– В шестьсот втором, здесь все написано. Прямо сейчас можешь отправляться?

– Да, только куртку надену.

Мать покачала головой:

– А младший опять подрался. Хорошо, что они хоть иногда у вас сидят, книги смотрят. Это лучше, чем слоняться по улицам.

– Да, наверное, – вежливо согласился Дронго.

Парня, конечно, его наблюдатели в расчет не принимали. Правда, даже захватив письмо, они не смогут его прочесть, там были просто любезные фразы о невозможности их сегодняшней встречи. Но если Лаутон помнит старый код, он обязательно поймет все и сумеет принять правильное решение.

Вернувшись в свою квартиру, он начал собирать вещи. Следовало исходить из того, что в его отсутствие здесь обязательно побывают незваные гости. Поэтому он тщательно проверил свои бумаги, стараясь не оставлять ненужных доказательств своей бывшей деятельности.

Уже стемнело, когда он решился позвонить, отлично сознавая, что его телефон наверняка прослушивается. Повезло и на этот раз, трубку поднял сам Джеральд.

– Мистер Лаутон, – главное, чтобы Джеральд понял важность этого разговора, – я позвонил по вашей просьбе.

Незнакомец не мог знать, что они лично знакомы с Лаутоном. Этого вычислить было нельзя.

– Слушаю вас, – Лаутон принял его игру, значит, сумел правильно прочесть письмо.

– Мы сегодня утром говорили с вами и условились, что я вам снова позвоню. Простите, мистер Лаутон, но я вынужден отказаться. По делам редакции я уезжаю в Москву завтра утром и вернусь не скоро, месяца через два. Согласитесь, что вы не можете ждать так долго.

– Конечно, – Лаутон даже придал своему голосу некоторую раздражительность, – очень жаль, мы рассчитывали на вашу помощь. В двенадцатом отделе Интерпола нас уверяли, что вы согласитесь. Видимо, их психологи просто не умеют работать. Мы хотели вас задействовать. Я даже привез ваше старое удостоверение сотрудника экспертного отдела ООН. Мы даже сохранили ваш номер. Очень жаль.

Дронго улыбнулся. Проверенная школа. Лаутон сумел сказать все, что нужно. Теперь они сумеют разобраться с этим вежливым шантажистом. Теперь козыри у него в руках и игра пойдет на равных.

– До свидания, – попрощался Дронго.

Теперь все было ясно. Завтра вечером, в двенадцать часов по нью-йоркскому времени, в восемь часов вечера по московскому он позвонит по старому телефону в экспертный отдел специального комитета ООН и получит необходимые инструкции и указания. В свою очередь, ему удалось сообщить Лаутону, что он предполагает вернуться через день, и встретиться они должны в месте, указанном в письме. Обычное, вполне вежливое письмо содержало в себе три закодированные фразы. Первая указывала на чрезвычайную опасность для его отправителя. Вторая сообщала о месте встречи. Третья обговаривала время. В данном случае «вернусь через два месяца» означало – «увидимся послезавтра», а выражение «искренне сожалею» подчеркивало степень опасности. Если учесть, что в конце письма была проставлена дата его написа-

ния, то Лаутон должен был понять – о письме говорить не следует. Что он и сделал во время их телефонного разговора. «Напрасно они меня втянули в эту историю», – подумал Дронго о своих противниках. Правда, этот упрек в какой-то мере относился и к сотрудникам Интерпола, так недавно видного засветившего наиболее ценного агента для участия в этом расследовании.

На следующее утро, приблизительно в шесть часов утра, его разбудил короткий звонок. Открыв дверь, Дронго обнаружил конверт с лежавшими в нем билетами и деньгами. Через полчаса он уже выходил из дома. На улице было довольно тихо в эти ранние часы.

«Дилетанты, – поморщился Дронго, – не учли, что в это время на улицах почти не бывает людей и я быстро вычислю наблюдателей».

Впрочем, его наблюдатели и не думали прятаться. Они вежливо следовали на расстоянии в сто метров в темно-красной «девятке», предпочитая не сокращать расстояния. Они даже остановились, молча наблюдая, как Дронго ловит попутную машину. На мгновение у него мелькнула озорная мысль, что можно попросить подвезти его в аэропорт и этих субъектов. Впрочем, в его городе уже давно не понимали юмора. Постоянные войны и мятежи отучили людей смеяться.

Остановив наконец старенький «Москвич», он уговорил водителя отвезти его на автобусную станцию. Плохо соображавший, заспанный молодой человек с трудом согласился, и то лишь когда Дронго удвоил обычную плату. Из автобуса он видел, как «девятка» следовала за ними точно до аэропорта. В какой-то момент они несколько сократили расстояние, и ему удалось засечь номер автомобиля, на котором были частные номера.

В аэропорту он быстро прошел все формальности и, уже проходя последний пограничный контроль, обернулся. Двое незнакомцев с размытыми физиономиями были довольны. Объект вел себя спокойно, и никаких эксцессов не произошло. Потом был еще милицейский контроль, проверявший пассажиров на оружие, взрывчатку и другие нежелательные предметы. В автобус их посадили не сразу, и им пришлось еще немного померзнуть в огромном, плохо отапливаемом ангаре. Впрочем, ему показалось, что там вообще не было никакого отопления.

Уже поднимаясь в самолет, он снова оглянулся. Оба его сопровождающих стояли недалеко от ангара, из которого их вывезли, напряженно следя за самолетом. Они сумели пройти, несмотря на пограничный, таможенный и милицейский контроль, беспрепятственно.

«Дилетанты, – в который раз с раздражением подумал Дронго. – Здесь забыли о том, что такое настоящая профессиональная работа». Баритон, звонивший ему, был приятным исключением. Самолет оторвался от земли, и он почти сразу заснул, не обращая внимания на суету все никак не устроившихся пассажиров.

Глава 6

Утром он привычно написал рапорт о случившемся убийстве в гостинице «Украина», добавив уже известные факты из биографии Мосешвили. По правилам он должен был ехать домой после ночного дежурства, но сотрудников не хватало, штаты в их прокуратуре до сих пор оставались вакантными, и им приходилось работать за двоих. Поэтому, побрившись у себя в комнате, Чижов начал заниматься текущими вопросами, пока его не вызвал прокурор.

Прокурор района был достаточно известной фигурой по всей Москве. Вальяжный, важный, самодовольный Вячеслав Николаевич Морозов был близким родственником одного из заместителей премьера страны. Уже это одно обстоятельство делало его значимость гораздо больше, чем все другие сопутствующие обстоятельства. Но вдобавок к этому он был любимцем городских властей, и многие поговаривали, что после очередной смены прокурора города у Морозова есть все шансы занять эту высокую должность. Морозов умел нравиться людям. Крупный мужчина в неизменно темных, даже летом, хорошо сшитых костюмах, в строгих роговых очках, он придавал самой прокуратуре какую-то несвойственную ей респектабельность и престижность. Его охотно избирали во всевозможные президиумы и правления. Его портреты часто появлялись в центральных газетах, а популярная телевизионная программа «Человек и закон» даже посвятила работе прокуратуры Киевского района целую передачу. Правда, злые языки утверждали, что глава телевидения лично поручил подготовить такую программу после звонка заместителя премьера. Но это были только слухи, и вполне вероятно, их распространяли завистники и недоброжелатели, просто опасавшиеся роста влияния популярного прокурора. Морозов принял Чижова, сидя за своим столом в кабинете. Перед ним стоял большой хрустальный стакан в тяжелой мельхиоровой оправе. Он любил пить чай именно из таких стаканов. Еще одним приобщением к миру небожителей была большая зеленая лампа, стоявшая слева от прокурора. Несмотря на менявшееся время и эпохи, эти зеленые лампы по-прежнему символизировали высшую власть и стояли только в кабинетах деятелей республиканского масштаба. Неизвестно каким образом, но Морозову удалось достать такую лампу, и он этим чрезвычайно гордился.

– Присаживайся, – показал на стул Морозов, чуть отодвинув стакан.

Чижов послушно сел на один из кожаных стульев, стоявших в кабинете прокурора.

– Читал твое сообщение, – коротко сообщил Морозов, – ничего, правда, не понял. Пишешь, как всегда, нечетко и неконкретно. Но вот кого убили, я сразу понял. Тут я даже позвонил кое-куда. Ты знаешь, какого масштаба был человек?

Это было любимое выражение Морозова. Он все мерил «масштабами».

Чижов подавил улыбку.

– Догадываюсь. Раз вор в законе и такой авторитет.

– Ничего ты не догадываешься, – махнул рукой Морозов, немного нахмурившись, – это был очень известный деятель. Очень, – снова подчеркнул он.

– Мне Михеев говорил, – кивнул Чижов.

– Кто такой Михеев. – Прокурор явно не любил строптивного начальника уголовного розыска. – Он сыскарь. Его дело – поймал, пострелял, забрал, арестовал. Твое дело думать. Это сложнее. Ты даже не представляешь, какого человека убили, – снова сказал прокурор.

На этот раз Чижов промолчал, и Морозов уже более благосклонно продолжал:

– Мосешвили был одним из самых богатых и известных людей Грузии. Так мне сказали о нем в московском правительстве. Они уже знают об убийстве. Сегодня вечером об этом напишут все газеты. Ко мне звонили с телевидения – спрашивали, кто ведет расследование. Я сказал, что лично возглавляю штаб по расследованию этого скандального убийства.

Это было вполне в духе Морозова. Красоваться перед телекамерами он любил. Для него это было высшей наградой.

«Вот влип», – с огорчением подумал Чижов.

– Михаил Мосешвили был не просто вором в законе, – продолжал прокурор, – он был одним из тех, кто помогал Эдуарду Шеварднадзе прийти к власти три года назад. Потом, правда, они не ладились и он переехал в Москву. Мосешвили дружил с самыми известными артистами, художниками, композиторами. Ты с утра что-нибудь такое выяснил?

– Я написал рапорт, – попытался оправдаться Чижов, – мне было неизвестно, кому вы поручите это расследование.

– Рапорт, – махнул рукой Морозов, – отписаться вздумал. Здесь такое убийство, а ты – рапорт. Я уже с утра сам веду свое расследование. Хотя, между прочим, не обязан этим заниматься. А ты говоришь – рапорт. Это легко так работать. Отписался, и все. Нет, нужно думать, уметь видеть главное.

Сам Морозов считал, что он умеет видеть главное, и поэтому теперь поучал своего следователя. С другой стороны, он уже полчаса мучился – поручать расследование Чижову или выбрать для этого более зрелого следователя. Здесь было одно обстоятельство, очень беспокоившее Морозова. Зрелый следователь мог просто присвоить себе все лавры расследования или несколько подпортить общую картину расследования. А вот молодой Чижов в этом плане никаких шансов не имел. Никто даже не подумает, что этот молокосос может расследовать такое громкое убийство. Все, конечно, сразу поймут, что расследованием руководил сам Морозов, скромно умалчивающий о своих успехах. И это было главным, решающим доводом в пользу Чижова. Продумав все это, Морозов и решил вызвать молодого следователя, предварительно накачав его и устроив легкий разнос, затем поручить расследование этого убийства.

Морозов знал, что, несмотря на молодость, Чижов был очень перспективным работником. А найти убийцу Чижову должен был помочь сам Михеев. При этом можно было убить сразу двух зайцев. Если Михеев и Чижов находили убийцу, то все лавры победителя доставались самому прокурору. Если не находили, то Чижов мог получить легкое наказание, в конце концов, он и не обязан разыскивать убийцу, его дело – следствие. А вот от строптивого Михеева можно будет окончательно избавиться. Продумав все это, Морозов и вызвал Чижова.

– Я хочу, чтобы вы поняли всю важность данного расследования, – продолжал прокурор. – На вас будут оказывать давление, возможно, даже угрожать. Ничего не бойтесь. Всегда помните, что я с вами. И спокойно, сосредоточенно, деловито ведите расследование. Я позвоню начальнику УВД, попрошу, чтобы этим делом занимался лично майор Михеев. Он окажет вам необходимую помощь. От других дел я вас освобождаю. Дело о банде, ограбившей квартиру генерала Селезнева, передайте Вострикову. И занимайтесь только делом Мосешвили. Это для нас сейчас самое важное. Помните, Чижов, что на карту поставлена честь нашей прокуратуры. Такие убийства случаются в нашем районе не каждый день.

– Я понимаю, – уныло ответил Чижов. Будь проклят этот Мосешвили! Теперь Морозов его просто заклюет. Неумная активность прокурора во всем, что касалось собственного паблисити, была хорошо известна. Чижов понял, что впереди у него трудные дни.

– Можете идти, – разрешил Морозов, – и держите меня постоянно в курсе дела.

Чижов не успел еще дойти до своего кабинета, когда Морозов снова позвонил ему.

– Никаких сообщений для прессы, – строго сказал прокурор, – ваше дело работать, а не интервью давать. Не забудьте об этом.

Только выйдя от прокурора района, Чижов позволил себе расслабиться. Только теперь он осознал, в какую историю попал с этим убийством преступного авторитета. Зайдя в кабинет, он позвонил Константину Игнатьевичу.

Тот был не в настроении.

– Ваш пустобрех уже вызывал тебя? – спросил Михеев.

– Вызывал, – уныло сообщил Чижов.

– Представляю, как теперь он будет красоваться. – Михеев знал прокурора района не хуже Чиждова. – Это же его конек. Такое преступление. Похоже, мы с тобой, парень, попали в историю. Этот Михо крупным авторитетом был, его многие мои ребята знали. Да и мне непростоительно, мог бы вспомнить его с первого взгляда. Просто не люблю на мертвецов смотреть. Это у меня уже врожденное, здесь ничего не поделаешь.

– Чемоданы открыли? – спросил Чижов.

– Открыли. Несколько писем, три пачки стоцолларовых купюр. Ничего необычного.

Действительно, для Москвы эпохи бурного развития капитализма найденные в чемоданах триццать тысяч цолларов были обычным явлением. Огромная даже по масштабам нью-йоркской или лос-анджелесской полиции сумма была для сотруцников правоохранных органов Москвы обычным явлением. Здесь не цоверяли банкам и кредитным карточкам. Здесь предпочитали все сделки осуществлцать при помощи наличных денег.

– Мне Морозов сказал, что Мосешвили уже давно переехал в Москву. А почему он жил в гостинице, – поинтересовался Чижов, – вы не цоверяли?

– Уже цоверили. У него своя дача под Москвой. Говорят, целая вилла на семнадцать цомнат, а во время своих визитов он и живет в гостинице. Кстати, мы выяснили, что этот люксовский номер был постоянно закреплен за гражданином Мосешвили. Фирма «Ампекс», где он был президентом, платила за год вперед. Так что сегодня у нас с тобой два визита – на дачу к Мосешвили и в фирму.

– Странно, что такой человек не имел телохранителей, – удивился Чижов.

– Ничего странного. Телохранителей среди авторитетов почти никто не держит. «Шестерок» сколько угодно, а вот телохранителей нет. Это даже неприлично, получается, что вор в законе сам не может себя защитит. Он же не обычный цоммерсант был или банкир, а руководитель целой группы цпредприятий. Судя по моим данным, на его похороны соберется пол-Москвы. Ты даже не представляешь, кого убили вчера в гостинице. От его слова зависели тысячи людей. На такое убийство мог пойти только не менее крупный авторитет. Кстати, к тебе еще не цприходили по поводу выдачи трупа?

– Нет, – удивился Чижов, – а что, должны появиться?

– Могу спорит – сегодня будут. Это публика цпочтенная. Кстати, они нам любую цомощь окажут, цдостаточно им узнать, что мы ищем убийцу Мосешвили, и рядом с нами сразу появятся десятки цдобровольных цпомощников. Будь готов к этому и не нервничай. С сегодняшнего дня ты даже получишь своих специальных телохранителей, которые будут идти за тобой круглосуточно.

– Интересная перспектива. С одной стороны, Морозов, с другой – бывшие цоллеги Михо.

– Вот-вот. Они будут готовы цпомочь нам во всех розысках. Но если нам все-таки удастся выйти на убийцу, в чем лично я сильно сомневаюсь, они перехватят его из-под нашего носа. Разбираться с обидчиками они предпочитают сами, без свидетелей, хотя, если цчестно сказать, я цдумаю, убийца Мосешвили давно мертв. Такую ниточку просто нельзя оставлять. Его должны были убрать сразу, едва он цвыполнил задание.

Ни Михеев, ни Чижов даже не цподозревали, что весь их разговор цпрослушивается из белого «Мерседеса», стоявшего у здания районной цпрокуратуры. Сидевшие в нем цтрое людей цхарактерной цвнешности цвосточного типа цвнимательно цслушали слова Михеева. Один из них, цважный цполноватый цгосподин, цразвалившийся на цзаднем цсиденье, цзло цпроизнес:

– Слышите, что цговорят? Я тоже так цдумаю. Но цискать цнужно не только с ними. Важа, цзадействуй цвсех наших цлюдей. Объяви, что мы цприостанавливаем цвсю нашу цдеятельность, цпока не цнайдем цубийцу Михо. Ты меня цпонимаешь?

Сидевший впереди, справа от водителя, грузин с перебитым носом и широкими плечами спортсмена кивнул головой. Он был мрачнее всех. Вчера вечером Михо сам отпустил его, сказав, что ждет женщину. А утром, приехав к нему, он узнал об этом страшном убийстве.

Михеев положил трубку, попрощавшись с Чижовым, и сидевший на заднем сиденье сразу встрепенулся.

– Пошли, – приказал он Важе, выходя из автомобиля.

Так вдвоем они и вошли в здание прокуратуры, уверенно направляясь к кабинету Чижова. Молодой следователь даже не знал, что существуют аппараты, способные слышать их разговор по вибрации оконных стекол или подсоединяться к кабелю, переключаясь практически на любую линию. Таких технических новшеств не было даже в центральных аппаратах МВД и прокуратуры республики.

– Разрешите? – спросил незнакомец, чуть приоткрывая дверь кабинета Чижова.

– Пожалуйста, – приветливо пригласил посетителей следователь.

Оба гостя прошли внутрь кабинета, устраиваясь на стульях. Чижов обратил внимание на зловещую физиономию второго и перевел взгляд на первого.

– Гурам Хотивари, – представился тот, – я к вам по делу несчастного Михаила Гурамовича Мосешвили, убитого вчера ночью в гостинице «Украина».

Оперативно, ахнул Чижов. Вот как здорово работают.

– Слушаю вас, – он старался быть вежливым.

– Такое несчастье для всех друзей погибшего, – вздохнул Хотивари, – у него остались жена, дочь. Они ничего не знают о судьбе своего отца и мужа. Нам не хотелось бы сообщать им об этом, пока мы не получим вашего разрешения на выдачу тела.

– Откуда вы узнали, что он убит?

– Из гостиницы. Мы приехали утром и узнали эту страшную новость, – Хотивари вздохнул. – Хороший человек был покойный.

– Вы хотите забрать тело покойного из морга, – понял Чижов. – Сегодня днем мы получим протокол вскрытия, тогда можете приезжать, я дам вам разрешение.

– Нет, дорогой, ты не понял, – улыбнулся Хотивари, – разрешение нам лично не нужно. Ты отправь эту бумажку в морг, чтобы у них было свидетельство о твоем разрешении. Мы не хотели бы подводить хороших людей. Это можешь сделать и вечером, мы тебя не торопим.

– А вам самим разрешения не нужно? – спросил ничего не понимающий Чижов.

– Только чтобы успокоить вдову погибшего, все нужно делать по закону, генацвале, чтобы вы ее не беспокоили, – пояснил Хотивари, – а нам твое разрешение не нужно. Труп мы уже забрали.

– Как забрали, – растерялся Чижов, – из морга милиции?

– Молодой ты, генацвале, но уже на такой большой работе. Дай бог, чтобы еще поднялся, – пожелал Хотивари, – а тело мы забрали. Там лежит моя расписка. Этого, думаю, достаточно.

– Но я не получил акта о вскрытии, – тихо сказал, краснея от бешенства, Чижов.

– Вот тебе акт, – положил на стол все необходимые бумаги Хотивари, – мы его утром получили, решили привезти сюда, чтобы ты не беспокоился.

Чижов взглянул на бумаги. Они были безупречно оформлены. Сам Гребнев подписал все документы. Неужели им удалось купить и Аркадия Федоровича? А Чижов всегда считал его честнейшим человеком.

– Вы понимаете, что так нельзя поступать? – спросил Чижов.

– Понимаем, поэтому сами пришли сюда, – кивнул Хотивари, – а ты пойми, дорогой, кого убили. Какого человека. Всю Москву на ноги поднимем, но убийцу найдем. Это я тебе обещаю – Гурам Хотивари.

Чижов промолчал. Он уже видел, что спорить бесполезно.

– И ты не беспокойся, – продолжал Хотивари, – все, что надо, будет сделано. Если можно, пока на дачу не езжай, дай вдове спокойно похоронить мужа. Там ты все равно ничего не найдешь.

– Это уже наше дело, – с вызовом сказал Чижов.

Хотивари усмехнулся. Ему нравилась безумная отвага молодого следователя.

– Дай телефон, – попросил он Важу.

Тот достал из кармана телефон, протянул его Хотивари.

Взяв телефон, Хотивари с улыбкой набрал чей-то номер.

Послышался громкий голос.

– Слушаю вас.

– Вячеслав Николаевич, – очень серьезно произнес Хотивари, – с вами говорит Гурам Хотивари. Вам звонили насчет меня из мэрии Москвы?

– Да, мне сказали, что вы будете звонить. Чем могу помочь?

Самое страшное, что Чижов слышал голос Морозова. Хотивари что-то подкрутил, и голос прокурора района отчетливо слышался в кабинете.

– У нас большая просьба – дать спокойно похоронить погибшего. Ваши люди могут появиться на даче покойного, а в такой момент это делать не совсем этично.

– Хорошо, – согласился Морозов, – я дам указание своему следователю повременить с обыском. У вас есть еще какие-нибудь просьбы?

– Нет. Большое спасибо. До свидания.

Хотивари отключил телефон и, сложив его пополам, передал Важе.

– Мы можем идти? – спросил он.

Чижов сидел как оплеванный. Он только кивнул головой.

– Не беспокойтесь, товарищ Чижов, – сказал вдруг Хотивари, – в этом деле мы на вашей стороне.

Они вышли из кабинета, плотно закрыв дверь. Они не успели даже дойти до конца коридора, когда Чижову позвонил Морозов.

– Слушай, Чижов, – сказал прокурор своим привычным покровительственно-пренебрежительным тоном, – ты смотри, дров не наломай в деле Мосешвили. Его завтра хоронить будут, так ты пока на дачу к покойному не езжай. Дай людям осмотреться, прийти в себя. Да и вряд ли там что-нибудь можно найти. Ты все понял?

– Понял, Вячеслав Николаевич. – Ему очень хотелось рассказать прокурору, откуда именно звонил Хотивари. Но делать этого было нельзя. Морозов не простил бы подобного публичного унижения. И Чижов, стиснув зубы, промолчал.

Когда он положил наконец трубку, его взгляд упал на лежавшие перед ним протокол вскрытия и сопроводительные письма с подписями экспертов. Он, резко подвинув к себе телефон, набрал номер Гребнева.

– Аркадий Федорович, – сказал он, – это Чижов вас беспокоит. Из прокуратуры Киевского района. Сегодня вы проводили патологоанатомическое вскрытие тела погибшего Мосешвили?

– Да, – подтвердил старый эксперт, – а в чем дело?

– Вы сами присутствовали на вскрытии?

– Не совсем, – немного замялся Гребнев, – мне рано утром позвонили, попросили приехать. Я не мог отказать. Когда я приехал, вскрытие уже заканчивалось. Но протокол верный, там все правильно – два пулевых ранения. За это я ручаюсь.

– А кто вас попросил приехать?

– Это важно для вашего следствия?

– Честно говоря, очень.

– Полковник Изотов. Лично звонил, а что здесь плохого? Он часто меня просит приехать, посмотреть. Не вижу никакого криминала.

– Это вы давали разрешение на выдачу тела?

– Конечно, нет, – Гребнев даже рассердился, – вы же знаете, что я не имею права этого делать. Тогда почему спрашиваете?

– Простите, Аркадий Федорович, я не хотел вас обидеть. Большое спасибо. До свидания.

Положив трубку, он минут пятнадцать просидел молча, глядя на документы. Полковник Изотов был первым заместителем начальника УВД города Москвы и лично курировал работу уголовного розыска. Он даже не знал, стоит ли звонить после этого Михееву. Но наконец решился. Набрал номер. Трубку взял сам Михеев.

– Константин Игнатьевич, – сказал убитым голосом Чижов, – выезд на дачу Мосешвили отменяется.

– Почему? – спокойно осведомился Михеев. Он был готов к подобным поворотам.

– Приеду, расскажу, – пообещал Чижов.

– Хорошо, – довольно хладнокровно согласился Михеев и вдруг добавил: – Я же тебе говорил. Это дело попортит нам много крови.

В белом «Мерседесе» по-прежнему слышали каждое их слово.

Глава 7

В райцентр Джафаров добрался с огромным трудом. Пришлось ждать рейсового автобуса до соседнего района Имишли. Автобус отправился из города с трехчасовым опозданием и в дороге дважды останавливался. Затем в Имишли пришлось долго сидеть в районной прокуратуре, ожидая, пока найдут попутную машину в Бейлаган. Наконец к полудню нашли какой-то грузовик, но едва они выехали, мотор вдруг начал дымить, и водитель, у которого вообще не было никаких дел в Бейлагане, еще около получаса возился с плохо управляемой машиной. Когда наконец они тронулись, был уже пятый час дня. Через полтора часа они приехали в райцентр.

Раньше он назывался по имени сподвижника и соратника «великого вождя» – товарища Жданова. И хотя сам товарищ Жданов никогда не устаивал своим посещением небольшой пограничный азербайджанский городок, тем не менее власти в Москве и в Баку сочли возможным и правильным назвать целый район именно в его честь. Жданову повезло гораздо больше, чем многим другим соратникам великих свершений. Он вовремя умер и таким образом сумел остаться в истории еще на сорок лет, пока начавшаяся волна ниспровержений не выбросила его имя из географической карты Азербайджана.

В райцентре Джафарова, конечно, никто не ждал. В прокуратуре к этому времени сидел только сонный дежурный, толком не понимавший, чего хочет приехавший из Баку следователь. Пришлось идти в местную администрацию. Там повезло больше. Руководитель, или глава, как их теперь называли, местной администрации Эльдар Касумов был уже предупрежден о его визите из Баку. Он радушно принял гостя, предложил чаю.

В Азербайджане, где традиционно уважали старших, Касумов был непростительно молод – ему шел сорок третий год. Но вдобавок к этому недостатку он имел еще один – он и выглядел непростительно молодо, словно случайно забежавший сюда, в исполком, один из бывших комсомольских вожаков района. Касумов действительно десять лет назад возглавлял райком комсомола и с тех пор навсегда сохранил какой-то отчаянный задор и цепкую хватку в работе.

Высокий красивый молодой человек сразу понравился Джафарову. Он был примерно одного возраста с Мирзой, и они быстро нашли общий язык.

– Как там у вас положение, – тревожно спрашивал Касумов, – все спокойно?

– Пока да, – вздохнул Джафаров. В последнее время в Баку перевороты случались один раз в год, попытки – два раза, имитации попыток – еще столько же. Жители республики за четыре года после развала страны имели трех президентов, двух исполняющих обязанности президентов, около десяти премьер-министров и столько же правительств.

И если на судьбе Джафарова эти изменения как-то мало сказывались – он как был следователем, так следователем и остался, то для Касумова они были первостепенными. При одном из президентов его сняли с работы, при другом даже посадили в тюрьму, при третьем его назначили руководителем районной исполнительной власти. Он хорошо знал, что в случае изменения власти в Баку его ждет неминуемая отставка. Каждый новый лидер приводил свою собственную команду. Правда, об этом догадывался не только Касумов. Каждый местный руководитель, каждый министр, каждый более или менее крупный чиновник в республике понимали, что с изменением власти, с приходом очередного лидера они могут потерять все. И поэтому первоочередным лозунгом дня был лозунг – обогащайтесь. Обогащайтесь любой ценой, сегодня, сейчас, немедленно, иначе завтра будет поздно. Общая обстановка безвластия, почти опереточных переворотов делала людей проходимцами, превращая в ненасытных стяжателей и разрушителей. На фоне такого дикого разгула чиновников Касумов был порядочным человеком, больше думавшим о судьбах жителей района, чем все его предшественники, вместе взятые. Это не означало, что Касумов был идеально честным человеком. На зарплату в десять

долларов нельзя было жить ни при каких условиях. Просто он был, как любили говорить в республике, «инсафлы» – «совестливый» и не занимался вымогательством там, где действительно мог и должен был помочь.

– Вам, наверное, уже звонил Кязимов, – предположил Джафаров.

Касумов кивнул:

– Но он не сказал, по какому конкретному делу вы приехали.

– В зоне боевых действий, в горах, был убит чабан Курбан-киши. Остался свидетель – мальчишка. Мы проверяли, свидетель утверждает, что чабана убили азербайджанцы, действовавшие с армянами заодно. Видимо, объединенная банда. Вот я и хочу проверить.

Касумов нахмурился.

– Ни в Аллаха не верят, ни в Христа, – раздраженно сказал он, – война идет, а они грабят, убивают, воруют. Таких мерзавцев расстреливать нужно. Знаешь, сколько товара переправляют за границу, в Иран? И мы ничего не можем сделать. Все куплено – армия, таможня, пограничники, милиция, и ваша прокуратура тоже. Я меняю людей, прошу прислать из Баку новых. А они оказываются хуже прежних. Так чем мы можем помочь?

– По показаниям свидетеля, среди убийц был человек по имени Омар. Мы предполагаем, что это кто-то из местных. А с таким именем шииты, составляющие большинство населения соседнего Физулинского района, не бывают. Вот мы и хотим проверить. Кязимов говорил, что в их районе были три деревни, где традиционно жили сунниты.

– Интересно, – засмеялся Касумов, – действительно, у шиитов таких имен не бывает. Нужно будет найти кого-нибудь из этих деревень. Дело в том, что две деревни захвачены в ходе боев и находятся теперь на той стороне. А вот третья деревня почти рядом с Горадизом. Там наш опорный пункт.

– А где жители первых двух деревень? – спросил Джафаров.

– Тоже здесь, – Касумов задумался, – я распорядюсь, чтобы тебя отвезли в лагерь беженцев, где они компактно проживают. Договорились?

– Спасибо, – кивнул Джафаров, уже вставая.

Но Касумов не собирался его отпускать.

– Садись, вместе поедем пообедаем. – Они как-то незаметно перешли на «ты», даже не сговариваясь друг с другом. Уже только в машине Касумов вдруг спросил:

– Ты с прокурором встречался?

– С Рагимовым? Нет еще. Приехал, а там никого нет. Только дежурный, да и тот, похожему, был из милиции.

– Увидишь еще, – пробормотал Касумов, – такой тип. Столько крови нам портит. Пользуется тем, что в Баку у него влиятельные родственники, и нагло творит произвол. А я ничего не могу сделать. Прокуроров ведь не я назначаю. Правда, дважды писал к вам в прокуратуру, просил отозвать, но, видимо, и твои начальники знают о его связях. Сидит мерзавец крепко.

– А ты начни его хвалить, – предложил Джафаров, – может, с его связями это сразу поможет. Уберут на более высокую должность. И тебе хорошо – такого врага иметь не будешь, и ему приятно, пойдет в гору.

– Не могу, – покачал головой Касумов, – уж очень неприятный тип. Придется писать в президентский аппарат, а я доносчиков с детства не любил.

Больше на эту тему они не говорили.

Было совсем поздно, когда Касумов отвез наконец Мирзу в гостевой дом бывшего райкома партии и, пожелав спокойной ночи, уехал снова в исполком.

Мирза аккуратно разделся, сложил вещи на стуле. В комнате было тихо, сюда не долетали звуки с улицы, окно выходило в сад, и он слышал только звуки воды – где-то мыли посуду.

Внезапно раздался телефонный звонок. Удивляясь – кто это может быть, Джафаров поднял трубку.

– Здравствуй, – раздался чей-то начальственный бас, – молодой еще меня игнорировать. Как приехал, сразу побежал в исполком. Почему меня не дождался?

– Кто это говорит?

– Рагимов говорит. Мог бы и подождать. У вас все в Баку такие нетерпеливые? Утром приходи ко мне, ровно в девять часов. А своему начальству скажи – пусть в следующий раз предупреждают, когда посылают следователя. У нас здесь приграничный район, – он так и сказал «приграничный», – и кому попало пропуска мы не даем.

– Учту, – сухо произнес Джафаров. Он не любил откровенных хамов, но предпочитал с ними не конфликтовать.

– Учти. И завтра приходи ко мне.

Прокурор района положил трубку.

«Почему они все такие самодовольные, – подумал с огорчением Джафаров, – будто из одного инкубатора выходят?»

Раздался еще один звонок.

«Надеюсь, это не Рагимов», – подумал Мирза, поднимая трубку.

– Не спишь? – услышал он знакомый голос Касумова. – Я совсем забыл тебе рассказать. Те две деревни, о которых я говорил, ведь были расположены совсем рядом. И там был один колхоз. Так председатель этого колхоза сейчас здесь у нас, в исполкоме. Я как только его увидел, сразу про тебя вспомнил. Может, пришлю его к тебе?

– Конечно, – обрадовался Мирза, – спасибо тебе большое. Он мне очень нужен.

– Вот я об этом и подумал. Он завтра утром уезжает, поэтому сейчас посылаю его к тебе. Будь здоров.

Пришлось снова одеваться, готовить ручку, блокнот. Бланков для допроса свидетелей уже давно не было: в республике не хватало бумаги. Выручали чистые листы, закупаемые в открывшихся повсюду турецких магазинах. Правда, их приходилось покупать на свою зарплату, равнявшуюся стоимости одной пачки бумаги. Об этом все знали, но предпочитали не говорить вслух.

Председатель колхоза приехал через пятнадцать минут. Это был среднего роста пожилой человек с какими-то потухшими, словно неживыми глазами. Зайдя в комнату, он аккуратно снял сапоги и, оставшись в одних носках, прошел к столу.

– Вагиф Гумбатов, – представился председатель колхоза, – мне приказали приехать к вам.

В нем еще сидели привычки прежних времен, ко-гда просьбы из района считались приказами, а визит к следователю прокуратуры всегда оборачивался крупными неприятностями.

– Садитесь, – пригласил его за стол Джафаров, – мне хотелось бы с вами поговорить.

Гумбатов осторожно присел на краешек стула. Он был какой-то испуганный, совсем не похожий на председателей колхозов, какими их привык видеть Джафаров.

– Тяжело вам приходится? – спросил вдруг Мирза. – Целый колхоз беженцев. Всех кормить, одевать нужно.

Гумбатов, не ожидавший такого начала, испуганно посмотрел на следователя.

– Мы всех коров спасли, молоком детей обеспечиваем, – выдал он.

– Не волнуйтесь, я позвал вас не для этого, – с трудом подавив улыбку, сказал Джафаров, – просто мне нужна ваша помощь. Консультация.

– Конечно, – оживился Гумбатов, не спуская своих испуганных глаз со следователя. Это было единственное чувство, которое еще могло отражаться в глазах председателя, – испуг.

– Недавно в горах был застрелен чабан, – начал Джафаров. – Мы проводили проверку, и вдруг выяснилось, что его убили азербайджанцы. Но самое поразительное, что они действовали вместе с армянами.

– А что здесь удивительного? – вдруг спросил Гумбатов.

– А вы не видите ничего удивительного? – в свою очередь, изумился Джафаров.

– Я уже всему перестал удивляться, – просто ответил Гумбатов. – Простите, как вас зовут?

– Мирза...

– Да, уважаемый Мирза-муэллим [**Муэллим** – дословно: учитель. Традиционное обращение, принятое на Востоке по отношению к уважаемому человеку.], я столько в жизни увидел, что совсем разучился удивляться. Теперь я верю во все что угодно. Разве кто-нибудь думал, что разрушится Советский Союз? Разве кто-нибудь мог предположить, что не будет коммунистов? Разве я мог увидеть даже в страшном сне, что мы будем воевать с армянами и весь мой колхоз будет беженцем на собственной земле? После этого я уже ничему не удивляюсь. Простите, я говорил слишком много.

– Нет-нет, ничего. Но вы же сами говорите, что это невероятно – такая война, такая вражда и теперь вот эта банда.

– Никакой вражды нет, – возразил вдруг Гумбатов. – Знаете, как мы жили до этого Горбачева, будь он проклят сто раз! В соседнем районе свадьбы играли. А как мы дружили! Ко мне из Мартуни приезжал председатель колхоза Ашот Аветисян, привозил пятьдесят своих товарищей. И мы всех радушно встречали. А потом я отправлялся к нему и тоже брал пятьдесят своих друзей. И как они нас встречали! Будь проклята эта война! Мы жили с армянами, как братья. Сейчас об этом не любят вспоминать. Пусть меня разрежут на тысячу кусочков, но я все равно скажу: мы жили дружно, как соседи, как друзья. – Гумбатов разгорячился, видно, эта тема не давала ему покоя, была его неосознанной болью, волновала его. – Кому нужна была эта война? Хотите, я вам скажу: толстосумам всяким, проходимцам, мерзавцам, которые успели нагрabить денег и боялись ответственности. Говорят, армяне поднялись за свободу. Неправду говорят. Мы еще долго встречались по ночам, уже после начала этой истории. Они мне говорили: нам ничего не нужно, как жили, так и хотим жить. Пусть нам дадут просто спокойно жить. А вот не давали. И с той, и с другой стороны.

– У вас целая философия, – сказал Джафаров.

– А вы поезжайте со мной в лагерь, посмотрите, как мои люди живут, – окончательно расхрабрился Гумбатов, – в палатках на земле, больные, раненые, дети, старики. Дети полгода в школу не ходили. Кому нужна была эта война, я вас спрашиваю? Я же здесь всю жизнь живу – мне газеты не нужно читать, чтобы знать о карабахской войне. Да, нам очень плохо. Столько убитых, столько пропавших, дома наши разрушены. А что, армянам очень хорошо? Они живут теперь на этих землях? Ничего подобного. Тоже не живут, уезжают, не хотят вечно на войне жить, понимают: мира здесь уже не будет.

– Не мы первые начали эту войну, – сухо заметил Джафаров. Он уже начал жалеть, что коснулся этой темы. Но Гумбатова не так легко было остановить.

– Когда убили в Аскеране двух наших парней, я предложил: поедem в Степанакерт, договоримся по-хорошему. Не можем мы жить как кошка с собакой, соседи ведь, столько тысяч лет живем рядом друг с другом. Но все словно голову потеряли. Потом Сумгаит был. Я и тогда говорил и теперь – бандит не имеет национальности. Нужно было об этом сразу сказать. А потом начали выгонять азербайджанцев из Нагорного Карабаха и из Армении. Можно было остановить все тогда, но поджигали, кричали о справедливости, людей на митинги звали. А кто войны хотел – засевшие в Степанакерте люди, которым нужно было спасать свои миллионы. А потом к ним подключились сидевшие в Баку мерзавцы, сразу понявшие, что можно заработать на этой войне. Вы правда не знаете, сколько людей миллионерами стали во время этой войны? Неужели не знаете?

– Это к делу не относится, – Джафаров потерял терпение, – давайте говорить о нашем конкретном деле.

– Давайте, – снова потух Гумбатов и вдруг произнес: – Я, знаете, что недавно понял? Любая война, даже самая справедливая, начинается негодяями, которые втравливают в нее

свои народы. Вообще, любая война – это заговор негодяев против честных людей, это война негодяев против нас с вами. Вот что я вам скажу.

Джафаров отвернулся. В душе он был согласен с Гумбатовым и понимал его излишнюю горячность – беженцы действительно жили в нечеловеческих условиях.

– Так могли оказаться в горах объединенные банды с обеих сторон? – уточнил Джафаров.

– Конечно, могли. И не обязательно банды. Ино-гда встречаются и порядочные люди, приходят на встречу, узнать о пропавших родственниках, найти тела погибших. Не вижу в этом ничего дурного. Но раз чабана убили, значит, бандиты были. В последнее время их много стало, пользуются несчастьем обоих народов.

– Свидетель утверждает, что Курбан-киши узнал одного из армян, назвав его по имени – Армен. Вы не знаете, кто это может быть?

– Не знаю. Может, его знакомый. Это не мой чабан, поэтому всех его знакомых я знать не могу.

– Среди убийц был и азербайджанец по имени Омар. Вы о таком тоже не слышали? Имя довольно редкое для этих мест.

– А как фамилия? У нас в колхозе были два Омара, и человек пятнадцать с фамилией Омаров.

– Нет, судя по всему, это его имя. Фамилию не знаю. Черноусый, все время улыбался. А рядом с ним был другой азербайджанец – маленького роста. Не ваши?

– Не может быть, – растерянно произнес Гумбатов, – Омар уехал в Баку, звонил нам оттуда.

– У вас есть такой Омар?

– Был похожий. Черноусый. Я его родителей знаю. Отец его раньше егерем был, все горы обошел со своей винтовкой. И сын собирался егерем стать.

– Он хорошо знал горы?

– Неплохо. Но он уехал в Баку, – снова повторил Гумбатов.

– Значит, вернулся, – тихо произнес Джафаров. – Где можно найти его фотографию?

– Не знаю. Родители его вряд ли семейный альбом захватили, когда бежали из своего дома. Тогда не до этого было.

– Скажите, Вагиф-муэллим, а чем занимался этот Омар?

– Работал в какой-то коммерческой фирме в Баку, я так слышал. Ничего определенного не знаю. Родители и сестра у нас в лагере живут. Очень хорошие люди.

– А второго вы назвать не можете? Не было у Омара друзей маленького роста?

– Не помню, но, кажется, не было. А что, Омар сам убил этого чабана?

– Судя по всему, да. Он боялся, что старик их опознает.

– Какой позор! Несчастливая мать Омара. А может, ошибка? – с надеждой спросил Гумбатов.

– Не знаю. Нам нужно будет это проверить. Вы утром уезжаете в лагерь? Можно, я поеду с вами?

– Конечно, можно. Я в семь утра за вами заеду.

– Договорились. Спасибо вам за помощь, Вагиф-муэллим.

Он протянул руку председателю колхоза. Тот смущенно ее пожал.

– Вы меня извините, – сказал на прощание Гумбатов, – просто не могу об этой войне спокойно говорить. У меня вчера в лагере мальчик умер. Прививку не смогли сделать от дифтерии. Не было лекарств. А в Баку на «Мерседесах» полгорода разъезжает. До свидания.

После его ухода Джафаров долго не мог заснуть, вспоминая слова Вагифа Гумбатова. Любая война, сказал председатель, это заговор негодяев против честных людей. Наконец Мирза заснул и впервые увидел во сне своего племянника, погибшего полтора года назад. Он почему-то улыбался.

Глава 8

Прилетев в Москву, он почти полдня пытался оторваться от назойливого любопытства нескольких молодых людей. Оторваться для него не было проблемой, он легко мог уйти от наблюдения. Но ему важно было проверить уровень подготовки своих преследователей, их адекватное реагирование на его действия, их реакцию и прогнозируемые поступки. Лишь получив все данные, он спокойно ушел от преследователей, так и не сумевших понять, куда он исчез, словно внезапно растворившись в воздухе.

До назначенного времени было несколько часов, и он успел пообедать, даже немного пройтись, прежде чем отправился звонить на телефонную станцию. Разговор с Нью-Йорком ему пришлось заказывать, но связь работала неплохо, и он почти сразу услышал, как ему предлагают пройти в пятнадцатую кабину. На том конце трубку поднял сам Пьер Дюнуа.

– Здравствуй, Дронго, – радостно сказал Дюнуа, – извини, что так назвал тебя, сорвалось. Можешь не беспокоиться, я включил помехи, нас не могут прослушать.

– Добрый вечер, вернее день, – ему было приятно слышать голос старого друга, – как поживает ваша супруга?

– Ты позвонил узнать только это? – засмеялся Дюнуа. Смех у него был прежний, почти мальчишеский.

– Вы уже знаете, что случилось?

– Знаю, Лаутон мне рассказал. Судя по всему, у тебя крупные неприятности. Не волнуйся. Я уже связался с национальным бюро Интерпола в Москве, они предупреждены о тебе. Можешь позвонить по телефону... – Дюнуа продиктовал телефон, – там тебе выдадут документы и сделают все, что нужно.

– Мне возвращаться обратно?

– В первые три дня нет. Тебе ведь нужно отмечаться каждые три дня. Лаутон правильно расшифровал твое сообщение?

– Да. Но боюсь, что одним им будет крайне сложно.

– Не волнуйся, они будут не одни. Мы окажем им необходимую помощь. Ты считаешь, им не стоит выходить на чиновников в твоей республике?

– Ни в коем случае, там все куплено.

– Но нам в любом случае нужен кто-то из официальных лиц. Нельзя работать, игнорируя полностью местные власти.

– Тогда пусть обращаются к министру национальной безопасности. Он кажется более порядочным человеком, чем остальные. К тому же он недавно назначен, не успел обрасти связями.

– Ты рекомендуешь его?

– Думаю, да. Я уже продумывал этот вариант. Но предупредить нужно и его. Он профессионал, все поймет верно.

– Договорились. Тебе передадут наши инструкции. Старайся не рисковать.

– Это уже от меня не зависит. Они начали первыми, – сказал Дронго на прощание.

Выйдя из здания, он минут двадцать делал контрольные круги, проверяя, не появились ли новые «хвосты». И лишь затем позвонил по указанному адресу. Еще через полчаса он был уже на месте.

В квартире, куда он приехал, его встретил уже немолодой человек, лет шестидесяти, передвигавшийся по комнате с помощью тяжелой полированной палки. Дронго обратил внимание на посох хозяина, едва вошел в квартиру, но ничего не спросил. Видимо, это был вышедший на пенсию бывший сотрудник КГБ или МВД, теперь помогавший Интерполу в его нелегкой деятельности.

Кроме хозяина, в квартире никого не было, и Дронго пришлось довольно долго ждать, пока хозяин возился на кухне, готовя чай и печенье. Любую помощь со стороны гостя хозяин вежливо отклонял. Наконец они сели пить чай с датским печеньем и сладкими ватрушками. И лишь тогда началась беседа.

– Я наслышан про вашу деятельность, – коротко сообщил хозяин квартиры. – Можете звать меня Владимиром Владимировичем. Я подготовил вам необходимые документы. Теперь вы Роберт Кроу, австралийский гражданин из Мельбурна. В России после чеченской войны любое лицо кавказской национальности вызывает нежелательные эмоции, а на самом Кавказе вообще нельзя писать никакой национальности. Осетины воюют с ингушами, абхазы – с грузинами, армяне – с азербайджанцами. А вам нужна свобода передвижений. Сейчас иностранцы, я имею в виду граждан других государств, не входящих в СНГ, пользуются куда большей свободой передвижения, чем собственно граждане этих государств. Думаю, вы согласитесь со мной. А удостоверение журналиста позволит вам проникать повсюду. Это тем более важно, если учесть, что предстоящая операция будет довольно сложной.

Дронго слушал внимательно, не перебивая собеседника.

– Как вам известно, армяно-азербайджанский конфликт оголил целый участок бывшей государственной границы СССР. По существу, там теперь просто «проходная зона». Армянская сторона от него отказывается, указывая, что охраняет лишь собственные границы, а захваченный район Физули находится в подчинении командования Нагорного Карабаха. Те, в свою очередь, заявляют, что не имеют возможности контролировать весь участок границы. Азербайджанская сторона просто не контролирует эту зону, указывая, что район был захвачен еще два года назад в результате боевых действий. Русских войск, а тем более пограничных, там вообще нет. О войсках СНГ там даже не слышали. Таким образом, образовался довольно широкий коридор, которым и воспользовались контрабандисты. Вывозить из Ирана наркотики раньше было очень сложно, нужно отдать должное иранцам – те очень решительно борются против распространения этого зелья. Но теперь, после возникновения коридора, все стало гораздо проще. С иранской стороны этот участок границы контролировать достаточно сложно, там нет сплошной линии заграждений. И целый поток наркотиков через бывшую советско-иранскую границу в Азербайджане устремляется через Карабах и Армению в Грузию, где попадает в порты, а уже оттуда следует в Европу и Турцию. Думаю, вы эти моменты знаете даже лучше нас.

Дронго ничего не сказал, лишь как-то неопределенно кивнул. Он уже привычно анализировал ситуацию.

– В результате, – продолжал Владимир Владимирович, – в Закавказье мы получили очень мощную преступную группу контрабандистов и торговцев наркотиками, которые уже наладили связи со многими странами Европы, переправляя непосредственно грузы в Голландию, Грецию, Италию, Францию. Так возник подлинный преступный «интернационал», состоящий из представителей грузинской, армянской, азербайджанской, русской мафии. По нашим сведениям, азербайджанцы отвечают за доставку грузов до границы, активно действуя в иранском Азербайджане. Затем наркотики передаются армянской стороне, которая переправляет их в Грузию. Там под контролем уже грузинской мафии грузы отправляются в порты и вывозятся дальше. Прибыль, разумеется, делится поровну. Взаимодействие налажено отменное. Наша задача хоть как-то остановить этот отлаженный механизм. По нашим сведениям, у этого «интернационала» довольно сильные связи в Ереване, Баку, Тбилиси. И это только усложняет нашу задачу. А общая нестабильность на Кавказе, затяжной конфликт в Чечне усиливают общую неразбериху. Вы ведь понимаете, что Ельцин закрыл границы с Грузией и Азербайджаном совсем не потому, что боялся переправки еще нескольких групп боевиков или грузовика с оружием. Да Закавказским республикам самим не хватает оружия. Нет, главная причина – наркотики и фальшивые деньги, которые идут сплошным потоком из Закавказья. Даже в условиях военного положения, подтянув туда новые воинские соединения, отрезав все города

Северного Кавказа от Закавказья, России не удалось в одиночку справиться с этой проблемой. Поэтому решено было задействовать Интерпол и специальный комитет экспертов ООН. Задача, как видите, у нас очень сложная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.